

Л-93

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

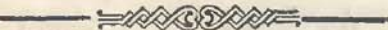
СЕДЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОНГРЕССЪ

ВЪ БУДАПЕШТѢ

1905 ГОДА.

Изъ „Журнала Министерства Юстиции“
(Ноябрь 1905 г.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІА

1905

219855 З. ч.

СЛОбУ

VII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ КОНГРЕССЪ ВЪ БУДА- ПЕШТЪ 1905 ГОДА.

Вопросы уголовного законодательства.

Очередной пенитенциарный конгрессъ на этотъ разъ собрался осенью, съ 3 по 10 сентября 1905 г., въ столицѣ Венгріи—Будапештѣ. Еще недавно, въ 1899 г., эта столица гостепріимно принимала съѣздъ Союза криминалистовъ, теперь еще съ большимъ радушіемъ она приняла не только теоретиковъ уголовного права, но и практическихъ работниковъ въ области тюремнаго дѣла. Несмотря на отсутствіе многихъ видныхъ криминалистовъ, обѣщавшихъ свое содѣйствіе, Будапештскій конгрессъ въ общемъ происходилъ оживленно; научныя засѣданія продолжались ежедневно съ 9-ти часовъ утра до 6 часовъ вечера, а остальное время радушные хозяева постарались занять экскурсіями и торжественными приѣмами, недостатка въ которыхъ не было. Изъ нихъ болѣе другихъ интересны приѣмъ делегатовъ эрцъ-герцогомъ Францемъ - Фердинандомъ во дворцѣ и организованная городскимъ муниципалитетомъ феерическая поѣздка по Дунаю, берега котораго были иллюминированы тысячами огней.

Одной изъ задачъ устроителей конгресса—венгерцевъ было ознакомленіе пріѣзжихъ делегатовъ съ Венгріей вообще и съ постановкой пенитенциарнаго дѣла въ ней, въ частности. Эта цѣль была вполне достигнута многочисленными осмотрами карательныхъ учреждений ¹⁾, особыми лекціями, прочитанными Влашичемъ („Венгрія

---

¹⁾ Изъ нихъ отмѣтимъ посѣщеніе исправительнаго заведенія для дѣвочекъ въ Раковь-Палота, организованнаго на подобіе пріюта съ высоко поставленнымъ профессиональнымъ образованіемъ; посѣщеніе военной тюрьмы и центрального

и уголовное право“), проф. Вамбери („Прогрессъ тюремнаго дѣла въ Венгріи за 40 лѣтъ“), подробными статьями о Венгріи, печатавшимися въ ежедневныхъ бюллетеняхъ конгресса, и, наконецъ, задачей двухъ капитальныхъ трудовъ о пенитенціарныхъ учрежденіяхъ и о борьбѣ съ дѣтскою преступностью въ Венгріи. Вслѣдствіе трудности языка, лишавшей возможности членовъ конгресса непосредственно знакомиться съ жизнью Будапешта, устроителями были приложены всѣ усилія къ тому, чтобы эта задача была облегчена, и, благодаря заботамъ хозяевъ, дни пребыванія въ столицѣ Венгріи оставляютъ надолго память о себѣ у участниковъ конгресса.

Въ настоящемъ очеркѣ мы задаемся цѣлью изложить въ существенныхъ чертахъ лишь результаты работъ первой секціи—уголовнаго законодательства, представляющихъ наибольшій интересъ для читателей Журнала Министерства Юстиціи, присоединивъ сюда лишь вопросъ о работѣ подслѣдственныхъ заключенныхъ, вызвавшей наиболѣе живыя пренія во второй секціи и на общемъ собраніи. При этомъ особенное вниманіе мы обратили на подготовительные доклады, такъ какъ обсужденіе вопросовъ на самомъ конгрессѣ лишь развивало или формулировало уже установленныя въ докладахъ точки зрѣнія, рѣдко внося новое освѣщеніе вопроса, что отчасти объясняется преимущественнымъ участіемъ въ преніяхъ самихъ докладчиковъ. Изъ общаго числа 167 представленныхъ докладовъ по вопросамъ первой секціи было представлено 35 докладовъ. Президентомъ конгресса былъ избранъ *Ricle de Bellye*, президентомъ первой секціи былъ все время членъ французскаго кассационнаго суда *Voisin*.

I.

Первымъ вопросомъ, подвергнутымъ обсужденію въ секціи уголовного законодательства, явился вопросъ *объ основныхъ признакахъ преступленія мошенничества*. Международная пенитенціарная коммисія, принявъ во вниманіе разногласіе законодательствъ въ опредѣленіи состава этого дѣянія и признавая важность установленія въ этой области точныхъ границъ наказуемости для успѣшной

дома въ Ваацѣ, соединяющаго вмѣстѣ каторжную, исправительную и обычную тюрьмы, и, наконецъ, посѣщеніе исправительнаго заведенія для мальчиковъ въ Азодъ и Кача, куда члены конгресса, по окончаніи его, направились на спеціальномъ поѣздѣ и гдѣ расширились другъ съ другомъ, вынести весьма отрадное впечатлѣніе объ организаціи карательныхъ учреждений въ Венгріи.

борьбы съ обманными посягательствами на имущество, сочла нужнымъ предложить этотъ вопросъ на обсужденіе VII-го пенитенціарнаго конгресса, несмотря на столь отвлеченный его характеръ и на неуспѣхъ обсужденія на предыдущемъ Брюссельскомъ конгрессѣ вопроса о признакахъ шантажа, обладавшаго тѣмъ же абстрактно-конструктивнымъ характеромъ.

По современнымъ законодательствамъ, дѣяніе мошенничества слагается изъ трехъ главныхъ элементовъ: 1) *результата дѣйствія* т. е. тѣхъ измѣненій въ имуществѣ, которыя произведены мошенничествомъ, 2) *цѣли присвоенія чужого имущества* и, наконецъ, 3) *тѣхъ средствъ, которыя были употреблены для обмана*. Въ зависимости отъ значенія и объема, придаваемыхъ каждому изъ этихъ трехъ элементовъ, законодательства могутъ быть сведены къ нѣсколькимъ системамъ.

Указаніе на результатъ мы находимъ ясно выраженнымъ въ германскомъ уложеніи (ст. 263), требующемъ для состава мошенничества причиненія вреда имуществу другого. Въ согласіи съ этимъ составъ мошенничества опредѣляютъ и ст. 379 венгерскаго улож., ст. 413 итальянскаго улож., ст. 270 норвежскаго улож. и ст. 89 швейцарскаго проекта (послѣдній добавляетъ еще указаніе на ущербъ имуществу мандатара). Ст. 167 австрійскаго уложенія требуетъ причиненія вреда или имуществу, или какимъ-либо другимъ правамъ. Французскій *code pénal* принимаетъ нѣсколько распространенную формулу и говоритъ о передачѣ или отказѣ отъ имущества, дополняя ее требованіемъ употребленія полученныхъ вещей ко вреду ихъ собственника. Теорія сводитъ эти требованія къ понятію пріобрѣтенія противозаконной выгоды посредствомъ причиненія вреда другому лицу. Нѣсколько сложнѣе опредѣляетъ результатъ бельгійское уложеніе, требуя передачи или уступки движимаго или недвижимаго имущества, обязательствъ, квитанцій или росписокъ (ст. 405). Нидерландское уложеніе въ ст. 326, въ согласіи съ французскимъ, требуетъ склоненія кого-либо къ передачѣ вещи, къ вступленію въ обязательство или къ расширенію кредита. Наконецъ, русское уложеніе 1903 г. въ ст. 591 охватываетъ понятіе преступнаго результата понятіями похищенія чужого движимаго имущества и побужденія къ уступкѣ права по имуществу или ко вступленію въ иную невыгодную сдѣлку по имуществу.

Относительно второго элемента—цѣли присвоенія—всѣ законодательства вполне согласны. Французское уголовное уложеніе, хотя и не вводитъ въ законъ указанія на противозаконную цѣль, но, какъ

признають всѣ авторы, это разумѣется само собою. Бельгійскій кодексъ, заимствовавъ вообще французскую редакцію, ввелъ однако указаніе на стремленіе пріобрѣсти противозаконную выгоду для себя или для кого-либо другого. Подобное указаніе сдѣлано во всѣхъ кодексахъ, въ томъ числѣ и въ русскомъ, считающемъ въ данномъ случаѣ цѣль присвоенія необходимымъ элементомъ состава.

Остается третій признакъ, наиболѣе спорный и различнымъ образомъ опредѣляемый въ различныхъ государствахъ,—именно указаніе средствъ, съ помощью которыхъ причиняется кому-либо вредъ. Введеніе этого признака необходимо какъ въ цѣляхъ отграниченія мошенничества отъ другихъ видовъ похищенія чужого имущества, такъ и ради суженія наказуемости его, чтобы чрезмѣрнымъ расширеніемъ понятія мошенничества не парализовать соціального оборота имуществъ. Законодательства по этому вопросу придерживаются слѣдующихъ системъ.

Французское законодательство 1791 г. признавало достаточнымъ одинъ обманъ, не давая дальнѣйшихъ поясненій, вслѣдствіе чего происходило смѣшеніе областей гражданскаго и уголовнаго права. Составители уложенія 1810 года поставили вмѣсто общаго понятія обмана ограничительный перечень средствъ, съ помощью которыхъ мошенничество можетъ быть выполнено. Такъ, ст. 405 фр. уг. ул. устанавливаетъ два главныхъ способа мошенничества: 1) „Употребленіе ложнаго имени или присвоеніе ложнаго качества“. Это ложное присвоеніе имени или качества карается закономъ, независимо отъ объекта, на который оно было направлено, лишь бы оно вызвало передачу имущества. По мнѣнію доктрины и юриспруденціи, ложь, примѣняемая въ данномъ случаѣ, можетъ превратиться даже въ подлогъ, если ложное имя было поставлено *письменно* на актѣ, который могъ создать пѣкоторое обязательство или причинить другому ущербъ, или если этотъ актъ удостовѣрялъ вѣрность сообщеннаго тамъ факта. 2) „Лживыя уловки“ (*manoeuvres frauduleuses*), цѣль примѣненія которыхъ опредѣлена въ законѣ. Именно примѣненіе ихъ явится преступнымъ, если онѣ были примѣнены съ цѣлью убѣдить кого-либо въ существованіи ложныхъ предпріятій, власти или воображаемаго кредита или вызвать надежды на успѣхъ или опасеніе за него, надежды на случай или на всякое иное вымышленное явленіе. Нужно также, чтобы именно эти уловки явились причиной передачи вещи.

Недостаточность французскаго законодательства была признана

остальными, которые постарались, не изменяя его формулы, лишь расширить понятие преступныхъ средствъ. Такъ, бельгійское уложеніе, кромѣ спеціального перечня, добавило: „или съ цѣлю инымъ образомъ злоупотребить довѣріемъ или довѣрчивостью“. Но и это дополненіе оказалось недостаточнымъ для тѣхъ случаевъ, когда виновный прибѣгалъ къ ряду такихъ ложныхъ сообщеній, которые могутъ убѣдить человѣка даже со средней довѣрчивостью. Поэтому въ нидерландское уложеніе 1881 г., не безъ сопротивленія со стороны многихъ мѣстныхъ юристовъ, было внесено дальнѣйшее добавленіе по сравненію съ бельгійскимъ уложеніемъ: кромѣ обмана въ немъ указывается и на сплетеніе „ложныхъ утвержденій“ (*combinai-sions mensongères*). Понятіе это опредѣляется какъ „собраніе нѣсколькихъ лживыхъ утвержденій, при которыхъ одно поддерживаетъ вѣроятность другого такимъ образомъ, что человѣкъ, даже въ достаточной мѣрѣ благоразумный, можетъ быть обманутъ этимъ способомъ“. Законодатель, очевидно, этимъ постановленіемъ хотѣлъ оградить имущество не легковѣрнаго, а благоразумнаго человѣка. Сюда подойдутъ, напр., какія-либо ложныя увѣренія, примѣняемыя при покупкѣ въ лавкахъ лицами, желающими воспользоваться товарами, не платя денегъ. Опредѣленіе нидерландскаго уложенія въ настоящее время находитъ себѣ многихъ сторонниковъ.

Съ другой стороны, германское уложеніе принимаетъ болѣе широкое понятіе средствъ, считая мошеннической всякую дѣятельность, „возбуждающую или поддерживающую ошибку посредствомъ искаженія или сокрытія истинныхъ обстоятельствъ“. Венгерское уложеніе принимаетъ въ общихъ чертахъ эту систему, говоря (ст. 379) „о внушеніи и укрѣпленіи въ комъ-либо ошибки съ помощью обманныхъ уловокъ и даже безъ намѣренія обмануть, а съ тѣмъ, чтобы побудить его предоставить или продолжить кредитъ“. Итальянское уложеніе также говоритъ объ обманныхъ уловкахъ и хитростяхъ, имѣющихъ цѣлю обмануть или воспользоваться довѣрчивостью другого. Еще шире опредѣляетъ понятіе способовъ мошенничества швейцарскій проектъ 1903 г., неопредѣленно указывающій на „ложное утверженіе извѣстныхъ фактовъ или сокрытіе ихъ и всякіе иные обманные приемы“. Болѣе точное и характерное выраженіе этой системы представляетъ собою новое норвежское уложеніе 1905 г., считающее виновнымъ въ мошенничествѣ того, кто „вводитъ или помогаетъ ввести какое-либо лицо въ заблужденіе, укрѣпляетъ или помогаетъ укрѣпить его въ заблужденіи съ цѣлю привести его къ потерѣ части его имущества или имущества его мандатара“.

Среднюю систему между этими двумя принимает австрийское уложение, считающее преступной „дѣятельность, производимую съ помощью обманнхъ завѣреній и уловокъ лицомъ, которое вводитъ другого въ заблужденіе или пользуется ошибкой или невѣдѣніемъ другого и, въ особенности, приписываетъ себѣ ложное имя, состояніе, ложное качество или выдаетъ себя за собственника чужого имущества или присвоиваетъ себѣ какимъ-либо инымъ образомъ ложныя вышнія свойства съ цѣлью пріобрѣсти незаконную выгоду или причинить вредъ имуществу или правамъ другого или съ цѣлью склонить кого-либо къ дѣйствіямъ, для него вреднымъ, которыхъ бы онъ не совершилъ безъ этого обмана.“ Испанское уложение называетъ мошенничествомъ „обманъ другихъ посредствомъ пользованія ложными именами, приписыванія себѣ власти, вліянія или предполагаемыхъ качествъ или посредствомъ ложнаго указанія на имущество, кредитъ, порученіе, предпріятіе или вымышленныя торговыя дѣйствія или примѣненіе другихъ подобныхъ обмановъ“. Обѣ системы характеризуются расширеніемъ перечня средствъ, которому не приписывается однако исчерпывающаго значенія. Этими, однако, онѣ вносятъ неопредѣленность въ законодательство.

Наконецъ, русское законодательство (ст. 1665 ул. о нак. и ст. 591 улож. 1903 г.) признаетъ средствомъ мошенничества обманъ, который при торговомъ мошенничествѣ ближе опредѣляетъ, какъ „обмѣръ, обвѣсъ или иной обманъ въ количествѣ и качествѣ предметовъ“. Толкованіе широкаго понятія обмана законодательство предоставляетъ юриспруденціи и судебной практикѣ.

Таковы разнообразныя законодательства, примирить которыя предстояло Будапештскому конгрессу. По этому вопросу было представлено 5 докладовъ; три изъ нихъ написаны французами, которыхъ вопросъ этотъ, вслѣдствіе устарѣлости ихъ уложенія, интересовалъ болѣе всего.

Мы и начнемъ изложеніе съ докладовъ, представленныхъ французскими участниками. Проф. Гарро въ своемъ докладѣ высказался за необходимость расширенія понятія мошенничества, этого прогрессирующаго съ развитіемъ общества преступнаго дѣянія. Специализація преступниковъ по отдѣльнымъ отраслямъ преступной дѣятельности позволяетъ имъ выскивать мельчайшія прорѣхи закона и избѣгать наказанія, несмотря на примѣненіе ими явно мошенническихъ средствъ. Поэтому нужно установить общія рамки, предоставивъ суду толкованіе ихъ. Гарро предлагаетъ объединить

вмѣстѣ три родственныхъ преступныхъ дѣянiя—кражу, злоупотребленiе довѣрiемъ и мошенничество въ слѣдующемъ постановленiи: „Всякій кто прiобрѣтетъ или попытается прiобрѣсти обманнымъ образомъ незаконную денежную выгоду ко вреду другого, посредствомъ похищенiя, отобранiя имущества или съ употребленiемъ обманныхъ прiемовъ, будетъ наказанъ...“ Устранивъ формализмъ, можно предоставить такту судьи ближайшее опредѣленiе условiй; тонкость юридическаго анализа здѣсь не нужна. Въ опредѣленiи мошенничества, если стоять за его обособленiе отъ другихъ видовъ похищенiя, долженъ быть подчеркнутъ моментъ присвоенiя вещи. „Всякій, кто примѣняетъ обманныя средства съ цѣлью мошеннически прiобрѣсти (*escroquer*) или попытаться прiобрѣсти все или часть имущества другого, наказывается“... Такимъ образомъ авторъ пришелъ, незамѣтно для себя, къ русской системѣ.

Другой докладчикъ *Сентъ - Обэнъ*, опредѣляя мошенничество какъ „дѣянiе, состоящее въ присвоенiи, съ помощью обманныхъ средствъ и съ цѣлью полученiя незаконной выгоды, вещи, принадлежащей другому“, проводитъ различiе между нимъ и другими имущественными посягательствами, усматривая существенныя признаки мошенничества въ намѣренiи дѣятеля, въ передачѣ другимъ лицомъ ему какихъ либо цѣнностей и въ ихъ присвоенiи. Специально по вопросу о средствахъ мошенничества докладчикъ признаетъ недостаточность французскаго закона и считаетъ цѣлесообразнымъ дополненiе, сдѣланное нидерландскимъ уложенiемъ относительно *mensonges combinées*. Въ томъ же направленiи сдѣлалъ предложенiе, въ своемъ докладѣ и профессоръ утрехтскаго университета *Симонсъ*. Авторъ полагаетъ, что если бы законодательство хотѣло принять общую формулу, то трудно было бы придумать лучшую, чѣмъ формула норвежскаго закона, которая могла бы быть измѣнена лишь слѣдующимъ образомъ: „подлежитъ наказанiю всякій, кто съ намѣренiемъ получить незаконную выгоду причинить посредствомъ обмана вредъ имуществу другого лица“. При такомъ эластичномъ опредѣленiи преступленiя ни одинъ мошенникъ не ускользнулъ бы отъ наказанiя. Но если законодательство желаетъ придерживаться перечневой системы, то оно всегда должно рассчитывать на то, что нѣкоторый процентъ преступныхъ прiемовъ окажется безнаказаннымъ. Установленiе такого перечня есть дѣло каждаго государства, приспособляющагося къ своимъ культурнымъ условiямъ, но докладчикъ рекомендуетъ систему отечественнаго нидерландскаго права, какъ наиболѣе полную. Несмотря на ка-

жущееся преимущество первой системы, цѣлесообразной съ точки зрѣнія политики, по мнѣнію Симонса, слѣдуетъ признать вторую, такъ какъ невозможно предоставлять усмотрѣнію судьи толкованіе чрезмѣрно широкихъ положеній закона: при такомъ опредѣленіи почти всякая несущественная ложь могла бы подойти подъ понятіе мошенничества; съ другой стороны слѣдуетъ помнить, что *jura vigilantibus scripta sunt* и что торговецъ долженъ иногда самъ платиться за свою легкомысленность; не слѣдуетъ преувеличивать также необходимости строжайшей репрессіи: общество не расплется, если иногда мошенничество будетъ сходить безнаказанно.

Докладъ *Берле* (Berlet), слѣдственнаго судьи въ Кламеси, представлялъ критическое разсмотрѣніе французскаго законодательства. Докладчикъ раздѣлилъ средства мошенничества на три группы: 1) употребленіе ложнаго имени, ложнаго качества и обманныхъ уловокъ (*manoeuvres frauduleuses*); 2) употребленіе обманныхъ приемовъ или всякое ложное утвержденіе и 3) обманъ, хитрость и коварство. Нельзя, по мнѣнію докладчика, признать правильной послѣднюю группу, такъ какъ хитрость и обманы, сопровождающіе большое количество торговыхъ сдѣлокъ, не должны быть предметомъ уголовной бары, ради огражденія свободы торговли. Точно такъ же не всякое ложное утвержденіе преступно, а лишь такое, которое имѣетъ цѣлью присвоеніе имущества и поконится на зломъ умыслѣ; наказуемость злостныхъ ложныхъ утвержденій имѣетъ свою основу еще въ римскомъ правѣ; французская кассационная практика хотя и даетъ расширеніе перечню средствъ, но всегда считаетъ необходимымъ этотъ *dolus malus*. Докладчикъ высказывается противъ оговорки бельгійскаго уложенія о причисленіи злоупотребленія довѣріемъ и довѣрчивостью къ средствамъ мошенничества, правильно усматривая въ этомъ смѣшеніе мошенничества съ самостоятельнымъ преступленіемъ—злоупотребленіемъ довѣріемъ. Въ заключеніе онъ предлагаетъ слѣдующее опредѣленіе мошенничества: „Каждый, кто съ помощью ложнаго имени, ложнаго качества или какого-либо ложнаго утвержденія или съ помощью обманныхъ уловокъ, утвержденій или приемовъ, имѣющихъ цѣлью эксплуатировать довѣрчивость или довѣріе другого, побудитъ передать или предоставить или будетъ пытаться получить какія-либо движимыя имущества или цѣнности, обѣщанія, обязательства, квитанціи или росписки и такимъ образомъ мошеннически лишитъ другого части его имущества или попытается сдѣлать это, будетъ наказанъ...“

Наконецъ, докладъ греческаго уполномоченнаго *проф. Тиналдо-*

Bassia, исходя изъ того положенія, что лучшимъ является законодательство, предоставляющее судамъ возможно больше свободы при опредѣленіи испорченности дѣятели и возможно меньше простора при опредѣленіи состава преступнаго дѣянія, высказывается въ пользу французскаго уложенія въ его чистомъ видѣ, съ нѣкоторыми дополненіями, внесенными кассационнымъ судомъ. Впрочемъ, для ясности онъ рекомендуетъ внести также слѣдующую оговорку: „безъ различія между приемами, способными ввести въ заблужденіе обычнаго благоразумнаго человѣка, и приемами, не могущими имѣть такого результата“. Опасно было бы ставить степень наказуемости дѣятели въ зависимость отъ его ловкости, поясняетъ докладчикъ. Лица наивныя и необразованныя имѣютъ такое же право на защиту закона, какъ и опытыя. Однако докладчикъ признаетъ, что слѣдуетъ различать чужой обманъ отъ своей же ошибки, хотя бы косвенно и вызванной другимъ.

Какъ можно видѣть, представленные доклады въ общемъ высказались за расширеніе перечня преступныхъ средствъ при мошенничествѣ. Въ этомъ же направленіи высказалось и большинство лицъ, участвовавшихъ въ преніяхъ, происходившихъ въ секціи и на общемъ собраніи конгресса.

Общій докладчикъ д-ръ *Баумгартенъ* предложилъ слѣдующую резолюцію: „Общее опредѣленіе норвежскаго уложенія, требующее одного только возбужденія или подкрѣпленія заблужденія безразлично, съ помощью какого бы то ни было средства, повидимому, преувеличиваетъ стремленіе современныхъ законодательствъ къ реформѣ. Правосудіе не можетъ въ настоящее время, не впадая въ опасность преувеличенія, совершенно отбросить тѣ ограниченія, которыя установлены французскимъ уложеніемъ 1810 года. Формулировка обстоятельствъ, предшествующихъ, поддерживающихъ и сопровождающихъ вовлеченіе кого-либо въ заблужденіе, является дѣломъ второстепеннымъ. Важнѣе было бы упомянуть на ряду съ обманными уловками (*manoeuvres frauduleuses*) и лживыя комбинаціи (*combinaisons mensongères*). Съ технической точки зрѣнія общее опредѣленіе мошенничества, которое встрѣчается въ германскомъ, венгерскомъ и др. уголовныхъ законахъ, имѣетъ, повидимому, преимущества предъ казуистическими подробностями французскаго закона“.

Въ послѣдовавшихъ преніяхъ, сосредоточившихся почти исключительно вокругъ французскаго права и въ значительной части сводившихся къ указанію толкованій той или иной статьи его,

высказались на ряду съ докладчиками гг. Берлэ и Обэнъ, защищавшими выставленные ими точки зрѣнія, и другіе члены секціи. Такъ, *Докаръ*, начальникъ секціи уголовныхъ дѣлъ при министерствѣ юстиціи во Франціи, настаивалъ на необходимости внести во французскій законъ указаніе на обманъ въ письмѣ и утверждалъ, что существующее понятіе обманныхъ уловокъ достаточно широко: подводить или не подводить отдѣльное ложное утвержденіе подъ это понятіе—вопросъ факта. Итальянскій проф. международного права *Пьерантони* считаетъ возможными три направленія реформы: 1) совершенно упразднить понятіе мошенничества, какъ то предлагаетъ Гарро; 2) ввести въ понятіе средствъ мошенничества всякій обманъ, что повлечетъ за собою смѣшеніе нравственности съ публичнымъ правомъ (еще римляне говорили *licet inter hominibus mercantibus se circumvenire*) и 3) ввести въ опредѣленіе французскаго права древне-римское понятіе злого умысла. Для французовъ, можетъ быть, и пригодна третья система, но другія національности имѣютъ лучшую, и потому онъ рекомендуетъ каждому народу остаться при своей системѣ. Судья *Бейеръ* высказывается противъ норвежской системы, предоставляющей все судьямъ: бываютъ судьи робкіе и смѣлые, бываютъ склонные къ репрессіи, и наоборотъ—къ послабленію. Расширеніе понятія мошенничества введетъ неопредѣленность въ жизнь. Адвокатъ *Дюранъ* (Durand) находитъ вполне удовлетворительнымъ существующій французскій порядокъ. *Гайемъ* (Haуem) вноситъ предложеніе о признаніи мошенничества международнымъ преступленіемъ и о соглашеніи между правительствами для организациіи борьбы съ мошенничествомъ, но секція отвергаетъ голосованіе этого предложенія за некомпетентностью. Предсѣдатель ставитъ на голосованіе предложеніе общаго докладчика относительно расширенія редакціи французскаго закона прибавленіемъ словъ „*combinaisons mensongères*“, которое принимается большинствомъ 20 голосовъ противъ трехъ.

Въ общемъ собраніи 4 сентября не удалось прийти къ общему рѣшенію. Противъ предложеній секціи выступилъ проф. *Бруза*, находившій, что предложенное измѣненіе не оправдывается необходимостью; съ расширеніемъ понятія мошенничества мы увеличиваемъ преступность, въ то время какъ слѣдуетъ стремиться къ уменьшенію ея. Судья *Берлэ* поддерживаетъ предложеніе секціи. Мошенничество приняло въ настоящее время столь грандіозные размѣры, настолько усовершенствовалось въ способахъ своего выполненія, что необходимо принять это во вниманіе, между тѣмъ какъ француз-

ское законодательство, приспособленное къ менѣ развитой общественной жизни, представляетъ много пробѣловъ, именно въ этой области. *Пьеринтони* также не соглашается съ слишкомъ неопредѣленными предложеніями секціи. Нужно найти средній путь между двумя крайностями: французскимъ и норвежскимъ уложеніями, этотъ путь онъ видитъ въ итальянскомъ уложеніи, принятіе нормъ котораго онъ и рекомендуетъ. *Дюранъ* повторяетъ сказанное имъ въ секціи о желательности сохраненія стараго французскаго законодательства. Въ виду послѣдовавшихъ разногласій предсѣдатель секціи *Буазенъ* предлагаетъ предсѣдателю собранія поставить на голосованіе вмѣсто опредѣленныхъ тезисовъ лишь пожеланіе о томъ, чтобы ст. 405 франц. угол. улож. была согласована съ развитіемъ финансовыхъ, торговыхъ и промышленныхъ отношеній, созданнымъ прошлымъ вѣкомъ. Но это узко-національное предложеніе не могло быть принято на международномъ конгрессѣ, и потому предсѣдательствующій откладываетъ рѣшеніе до слѣдующаго засѣданія, предлагая представителямъ отдѣльныхъ странъ за это время выработать резолюціи, подходящія по ихъ мнѣнію къ социальнымъ условіямъ ихъ страны. Русскіе представители по взаимномъ совѣщаніи признали правильной систему ст. 591 угол. улож. 1903 г., что и передали предсѣдателю на другой день. Однако на слѣдующемъ общемъ собраніи заявленія делегатовъ отдѣльныхъ странъ не обсуждались, а вмѣсто того было предложено голосовать коллективное предложеніе Буазена и др., составленное слѣдующимъ образомъ: „Конгрессъ выражаетъ пожеланіе въ пользу принципиальнаго пересмотра постановленій, принятыхъ въ различныхъ уголовныхъ законодательствахъ относительно мошенничества, съ цѣлью согласованія ихъ съ прогрессомъ финансовыхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеній, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе послѣдняго вѣка“. Несмотря на заявленіе *Пьеринтони*, настаивающаго на томъ, что резолюція имѣетъ отношеніе лишь къ французскому праву, она принимается большинствомъ.

По поводу исхода этого голосованія нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, настойчиво проводимымъ на конгрессѣ проф. *Уго Конти* о томъ, что пенитенціарные съѣзды, состоящіе преимущественно изъ практическихъ дѣятелей тюремной администраціи, мало компетентны въ вопросахъ уголовной догматики и что на программу должны быть поставлены такіе вопросы уголовного законодательства, которые имѣютъ лишь непосредственное отношеніе къ наказанію. Вынесенная резолюція настолько обща, что едва-ли представляетъ

ся возможнымъ почерпнуть изъ нея какое-либо конкретное правило законодательной реформы.

II.

Дальнѣйшій вопросъ секціи уголовного законодательства, разсматривавшійся во второмъ засѣданіи отъ 5-го сентября, былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „Для какихъ преступныхъ дѣяній слѣдуетъ установить денежную пеню въ качестве дополнительнаго наказанія? Какихъ правилъ слѣдуетъ придерживаться при наложеніи ареста на имущество лица, присужденнаго къ уплатѣ денежной пени, или при исполненіи замѣняющаго ее заключенія“. Въ виду того, что вопросъ этотъ легко распадается на двѣ разнородныя части, рассмотримъ каждую особо.

А. Вопросъ относительно сферы примѣненія денежной пени приобрѣлъ въ настоящее время большой интересъ. Съ того момента, какъ выяснился вредъ краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы, приходится изыскивать замѣстители и суррогаты его, въ равной мѣрѣ дѣйствительные преимущественно съ точки зрѣнія общаго предупрежденія. Условное осужденіе до известной степени упраздняетъ примѣненіе краткосрочныхъ наказаній лишеніемъ свободы, но частое пользованіе имъ невозможно безъ ущерба для цѣлей общаго предупрежденія. Отвергая безусловно тѣлесныя наказанія, предложенныя въ Германіи Миттельштетомъ, мы принуждены будемъ обратиться къ денежной пенѣ, какъ болѣе или менѣе пригодному наказанію. Еще на Лондонскомъ пенитенціарномъ конгрессѣ 1872 г. было выработано правило о вредѣ краткосрочныхъ тюремныхъ заключеній, въ частности и тѣхъ, которыя назначены въ замѣнъ денежной пени, но практическихъ мѣръ противъ этого не установлено (XXIII положеніе). Выяснить постановку этой мѣры наказанія пенитенціарная коммисія рѣшила на Будапештскомъ конгрессѣ. Къ сожалѣнію, пенитенціарная коммисія сузила вопросъ, указавъ на пеню, лишь какъ наказаніе дополнительное. Этимъ она выдѣлила изъ обсужденія всю область проступковъ и стѣснила принципіальное обсужденіе вопроса.

Передъ тѣмъ какъ перейти къ обсужденію различныхъ точекъ зрѣнія, выставленныхъ на Будапештскомъ съѣздѣ, я позволю себѣ вкратцѣ изложить главнѣйшія изъ дѣйствующихъ европейскихъ законодательствъ по этому вопросу ¹⁾.

¹⁾ Для этого очерка мы пользовались преимущественно докладами Vambergy, Van-Duyl, Urbye.

Французское уложение 1810 года, постановленія котораго очень распространены среди законодательствъ другихъ странъ, въ значительной степени придерживается взгляда на денежную пеню, какъ на кару дополнительную. Законъ 13 мая 1863 г., во многомъ измѣнившій постановку этого наказанія, рассматриваетъ его въ случаяхъ тяжкихъ преступленій и преступленій лишь какъ дополненіе тюремнаго заключенія. При проступкахъ максимумъ пени крайне низокъ—до 15 франковъ, при преступленіяхъ же онъ достигаетъ даже 20.000 фр. (ст. 420), хотя общимъ образомъ онъ не опредѣленъ, и предѣлы пени варьируются обыкновенно отъ 50, 100, 150, 200, 500 до 5,000—10,000 фр., по произволу законодателя. Прежде въ уголовномъ уложеніи часто примѣнялись пени въ двойномъ, тройномъ размѣрѣ противъ цѣнности нарушеннаго права (ст. 109, 135, 164), теперь такое опредѣленіе размѣра встрѣчается рѣже, порою величина пени соразмѣряется съ причиненными убытками (таліонъ), напр., въ ст. 430 и 433 говорится: „пособникъ наказуется пеней, которая не можетъ ни превышать одной четвертой части причиненныхъ убытковъ, ни быть меньшей ста франковъ“.

При тяжкихъ преступленіяхъ пеня, какъ дополнительное наказаніе, примѣняется рѣдко (такъ, большею частью при подлогѣ, ст. 172, 174, 177, 181, 437). При преступленіяхъ, *délits*, по расчетамъ Вамбери, денежная пеня упоминается какъ дополнительное наказаніе въ 120 статьяхъ. При этомъ во многихъ случаяхъ примѣненіе ея совершенно не оправдывается свойствомъ преступленія ¹⁾, а съ другой стороны имѣются постановленія, не назначающія пени въ случаяхъ, гдѣ она была бы весьма пригодной. Пеня является дополнительнымъ наказаніемъ не только при наказаніи лишеніемъ свободы, но и на ряду съ запрещеніемъ пользоваться нѣкоторыми публичными правами или съ запрещеніемъ выполнять какую-либо публичную функцію (ст. 113), съ заточеніемъ (ст. 181), лишеніемъ гражданскихъ правъ (ст. 177). Она рѣдко назначается

---

¹⁾ Такъ, могутъ быть обложены пеней нанесеніе ранъ и побоевъ (ст. 309, 311), прелюбодѣяніе (ст. 338), возстаніе (ст. 218)—преступленія, вытекающія изъ мотива страсти, а не корысти; нарушеніе неприкосновенности жилища (ст. 184), порча общественныхъ памятниковъ (ст. 257), препятствованіе свободному отправленію богослуженія (ст. 260—262), причиненіе смерти и нанесеніе по неосторожности ранъ (ст. 319—320), продажа вредныхъ веществъ (ст. 317 п. 4), противоудѣйствіе окончанію работъ, предпринятыхъ съ правительственнаго одобренія (ст. 438), и пр.—дѣянія, также совершенно не имѣющія отношенія къ корыстному мотиву.

факультативно; иногда пеня предшествует наказанію лишеніемъ свободы, которое становится факультативнымъ, что, впрочемъ, не лишаетъ ея характера наказанія дополнительнаго.

Германское уложеніе заимствовало въ существенныхъ чертахъ постановку денежной пени, какъ наказанія дополнительнаго, изъ французскаго кодекса. Пеня, какъ альтернативное наказаніе, упоминается въ 64 случаяхъ, а какъ наказаніе дополнительное—въ 23, изъ числа которыхъ въ 15 случаяхъ она примѣняется факультативно и въ 8-ми безусловно. Безусловное примѣненіе пени предписывается, если дѣяніе учинено по корыстному мотиву¹⁾, альтернативное же примѣненіе допускается большею частью въ тѣхъ случаяхъ, когда корыстный мотивъ можно лишь предполагать по общему правилу²⁾. Размѣръ пени, за рѣдкими исключеніями, колеблется отъ минимума въ 150 марокъ до максимума въ 3000 и даже въ 6000 марокъ. Законъ 28 іюля 1895 г. назначаетъ пеню даже въ 100.000 марокъ за торговлю рабами. Въ общей части для преступленій минимумъ установленъ въ 3 марки. Кромѣ денежной пени германское уложеніе знаетъ, какъ извѣстно, близко стоящую къ ней буссу, уплачиваемую въ пользу потерпѣвшаго, размѣръ которой доходитъ до 6.000 марокъ.

Венгерское уголовное уложеніе нѣсколько улучшило германскую систему. Денежная пеня въ качествѣ дополнительнаго и обязательнаго наказанія упоминается въ немъ въ 72 случаяхъ, при чемъ обязательной она является здѣсь во многихъ такихъ случаяхъ, въ которыхъ германское уложеніе устанавливаетъ ее лишь факультативно.

---

¹⁾ Такъ, обязательно дополнительное наказаніе пеней при рецидивѣ мошенничества (ст. 264), страховомъ обманѣ (ст. 265), при подлогѣ или уничтоженіи должностнымъ лицомъ ввѣренныхъ ему документовъ, учиненныхъ въ корыстныхъ цѣляхъ (ст. 348). Но на ряду съ этимъ упоминается и случай бѣгства за границу въ военное время лица, подлежащаго отбыванію воинской повинности (ст. 140), не имѣющій отношенія къ корыстному мотиву.

²⁾ Сюда относятся: поддѣлка документовъ публичнаго характера (ст. 268²), интеллектуальный подлогъ съ корыстной цѣлью (ст. 272, 273, 260¹), профессиональное обращеніе въ оборотъ испорченныхъ денегъ (ст. 150), мошенничество (ст. 263), корыстное злоупотребленіе довѣріемъ (ст. 266), уничтоженіе границъ, документовъ (ст. 274), азартныя игры какъ профессія (ст. 284), незаконное пользованіе принятыми въ залогъ вещами (ст. 290), контрабанда (ст. 297), корыстная эксплуатація неопытности малолѣтнихъ (ст. 301) и т. д., а также предусмотрѣнныя спеціальными законами пассивный подкупъ кредитора при несостоятельности (ст. 243 закона 1893 г. о банкротствѣ) и умышленное посягательство на фабричныя клейма (ст. 14 и 16 закона 1894 г.).

тативно. Вслѣдствіе имѣющагося у судьи права (ст. 92) при признаніи весьма смягчающихъ обстоятельствъ замѣнять тюремное заключеніе денежной пеней, послѣдняя можетъ назначаться почти всегда, когда въ законѣ грозитъ даже одно тюремное заключеніе, но уже не какъ дополнительное наказаніе, а какъ пониженіе рода наказанія. Назначеніе денежной пени не всегда согласовано со свойствомъ преступленія: такъ, она отсутствуетъ при шантажѣ или укрывательствѣ похищеннаго и, наоборотъ, назначается при публичномъ богохуленіи (ст. 190) или при подстрекательствѣ къ преступленіямъ противъ собственности (ст. 172). Въ случаѣ несостоятельности денежная пеня можетъ быть замѣнена лишеніемъ свободы на срокъ, однако, не больше трехъ мѣсяцевъ. Размѣръ денежной пени за проступки не долженъ превышать 600 кронъ, въ качествѣ же дополнительнаго наказанія пеня примѣняется въ двухъ случаяхъ—въ размѣрѣ до 2000 кронъ, въ 14 случаяхъ—до 4000 и въ 5-ти случаяхъ—до 8000 кронъ. Послѣдняя цифра является максимумомъ, за который не переходитъ даже проектъ 1903 г. закона о ростовщичествѣ. Въ венгерскомъ кодексѣ мы находимъ также случаи опредѣленія размѣра пени по величинѣ причиненныхъ убытковъ (ст. 208, 356, 386, 402 и др.). Полученная пеня согласно ст. 27 предназначается на вспомошествованіе освобождаемымъ изъ заключенія, нуждающимся въ поддержкѣ, и на пособія исправительнымъ заведеніямъ для малолѣтнихъ.

Итальянское уложеніе 1890 г. представляетъ собою наиболѣе полное выраженіе стремленія къ широкому примѣненію денежной пени. Пеня въ немъ назначается въ 110 статьяхъ, и число дѣяній, обложенныхъ ею, больше чѣмъ гдѣ-либо. Уложеніе проводитъ различіе между пеней (*multa*) при преступленіяхъ и штрафомъ (*ammenda*) при проступкахъ. Размѣры первой—отъ 10 до 10.000 лиръ, второго отъ 1 до 2000 лиръ. Назначеніе пени по итальянскому уложенію всегда обязательно для судьи; даже при смягчающихъ вину обстоятельствахъ судья въ правѣ лишь уменьшить размѣръ пени до одной шестой части, но не оставить ее безъ примѣненія (ст. 59). Съ другой стороны, судья имѣетъ право при учиненіи преступленій противъ собственности увеличивать наказаніе пеней на половину или уменьшать до одной трети, если стоимость похищеннаго предмета или причиненнаго ущерба даютъ къ тому основаніе (ст. 471). Пеня назначается не всегда въ согласіи съ теоретическими началами ¹⁾. Особенно часто ея примѣненіе при

¹⁾ Такъ, пеня назначается часто при отсутствіи всякихъ мотивовъ корысти:

разнаго рода подлогахъ, при репрессіи дѣяній, учиненныхъ по неосторожности или невѣдѣнію. Назначается она параллельно съ тюремнымъ и исправительнымъ заключеніемъ и лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ; при заключеніи въ дома съ принудительными работами на срокъ не менѣе 15 лѣтъ или пожизненно она не допускается. Въ общемъ постановка пени въ итальянскомъ уложеніи не многимъ отличается отъ общепринятыхъ правилъ.

Дальнѣйшій шагъ въ смыслѣ послѣдовательнаго проведенія опредѣленныхъ общихъ положеній въ примѣненіи денежной пени дѣлаетъ *швейцарскій проектъ 1903 г.* Ст. 36 общей части даетъ право судѣ назначать, кромѣ наказанія лишеніемъ свободы, и денежную пеню въ размѣрѣ до 5000 франковъ противъ лица, учинившаго по корыстному мотиву (*Eigennutz*) дѣяніе, влекущее лишеніе свободы. Но кромѣ того денежная пеня, какъ наказаніе дополнительное, упоминается въ особенной части—29 разъ факультативно и 12 разъ обязательно для судьи¹⁾. Швейцарскій проектъ дѣлаетъ изъ пени не только дополнительное, но и самостоятельное наказаніе при преступленіяхъ (*crimes et délits*), назначая въ 10 случаяхъ ее, какъ единственное наказаніе, и въ 37-ми альтернативно съ наказаніемъ лишеніемъ свободы. Предѣлы пени колеблются отъ 3-хъ до 30.000 франковъ.

Голландское уложеніе 1881 г. и *Норвежское* уложеніе 1905 г. отказываются отъ примѣненія денежной пени, какъ наказанія дополнительнаго. Въ норвежскомъ уложеніи мы находимъ ст. 36, гласящую: „Возстановленіе (*restitution*) полученной посредствомъ наказуемаго дѣянія выгоды или уплата суммы денегъ той же цѣльности могутъ быть возложены судомъ на виновнаго или на то лицо, которое воспользовалось учиненнымъ преступленіемъ, безъ того, чтобы было необходимымъ возбудить уголовное преслѣдованіе

при оскорбленіи величества (ст. 122), парламентскихъ нарушеній (ст. 123), поносительствѣ конституціонныхъ учрежденій (ст. 126), подстрекательствѣ къ измѣнѣ (ст. 135), нарушеніи спокойнаго выполненія политическихъ функций или культа (ст. 139, 140), поношеніи религіи (ст. 141) и др. Съ другой стороны, она отсутствуетъ при поддѣлкѣ монеты и подлогѣ публичныхъ и частныхъ документовъ (ст. 256—260, 280).

¹⁾ Примѣненіе ея въ послѣднемъ случаѣ не всегда согласовано съ мотивомъ: такъ, пеня обязательна при оказаніи содѣйствія въ дуэли (ст. 233), при неосторожномъ причиненіи смерти, хотя бы, напр., врачомъ (ст. 78). И при факультативномъ примѣненіи пени имѣются случаи несогласованности: пеня можетъ быть назначена при нарушеніи тайны переписки (ст. 108), при посягательствѣ на честь женщины, учиненномъ врачомъ (ст. 118), и др.

558612

противъ этого лица. Если дѣло идетъ о привычныхъ посягательствахъ, то сумма, подлежащая восстановленію, можетъ быть исчислена по предполагаемой совокупной прибыли отъ посягательствъ“. Это постановленіе имѣетъ цѣлью обезпечить вознагражденіе пострадавшаго—за убытки и государство—за вредъ, нанесенный публичному интересу, даже послѣ смерти виновнаго или послѣ погашенія преслѣдованія давностью или помилованіемъ; вознагражденіе назначается самимъ судомъ, безъ требованія потерпѣвшаго. Оно идетъ въ пользу фиска, но изъ него вознаграждается потерпѣвшій, если онъ не можетъ инымъ способомъ получить возмѣщенія убытковъ съ виновнаго. Это покрытіе вреда отличается отъ наказанія тѣмъ, что: 1) оно не можетъ быть замѣнено наказаніемъ лишеніемъ свободы; 2) оно не подлежитъ давности и 3) для назначенія его не требуется доказательствъ личной вины. Отъ гражданскаго возмѣщенія убытковъ оно отличается тѣмъ, что производится въ интересахъ публичныхъ и назначается въ порядкѣ уголовного производства. Такое покрытіе вреда назначается независимо отъ свойства преступленія во всѣхъ случаяхъ, когда наказуемое дѣяніе оказалось выгоднымъ для виновника, независимо отъ того, было ли это дѣяніе учинено въ цѣляхъ обогащенія и претендуетъ ли потерпѣвшій на вознагражденіе или нѣтъ. Какъ самостоятельное наказаніе, пеня примѣняется при тяжкихъ преступленіяхъ въ размѣрѣ отъ 3 до 10.000 кронъ и при преступленіяхъ отъ 1 до 5000 кронъ (обозначеніе это не вполне точно, такъ какъ въ норвежскомъ уложеніи принята лишь двойственная система дѣленія преступныхъ дѣяній, и тѣ дѣянія, которыя обычно занимаютъ среднее положеніе, здѣсь подѣлены между двумя крайними категоріями).

По вопросу о денежной пенѣ было представлено 10 докладовъ, намѣтившихъ различныя точки зрѣнія въ вопросѣ. Проф. Демогъ видитъ въ денежной пенѣ наказаніе, являющееся скорѣе мѣрой безопасности, назначаемой для того, чтобы помѣшать въ будущемъ повторенію преступныхъ дѣяній, нежели имѣющей въ виду причиненіе страданія преступнику. Примѣненіе ея онъ рекомендуетъ законодателю въ качествѣ дополнительнаго наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ комбинировать требованія достаточно устрашительной репрессіи съ желаніемъ избѣгнуть примѣненія къ преступнику наказанія, позорящаго его, когда оно не могло бы быть назначено безъ нѣкотораго неудобства. Поэтому проф. Демогъ предлагаетъ примѣненіе пени въ случаяхъ, когда теперь примѣняется условное осужденіе. Слишкомъ широкое примѣненіе этой мѣры во

Франціи и Бельгіи ¹⁾ могло бы быть сокращено предоставленіемъ судѣ права назначать въ такихъ случаяхъ денежную пеню. При опредѣленіи размѣра пени слѣдуетъ принимать во вниманіе не столько само дѣяніе, сколько степень состоятельности виновнаго. Дополнительная денежная пеня явится пригодной при преступленіяхъ неосторожныхъ, преступленіяхъ по страсти и при преступленіяхъ корыстныхъ. Авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы судьи приговаривали къ денежной пенѣ одновременно съ тюремнымъ заключеніемъ лишь при лишеніяхъ свободы на достаточно продолжительный срокъ, при краткосрочности же заключенія стремились бы совершенно избѣгнуть его тѣмъ, что избирали бы изъ двухъ, альтернативно стоящихъ наказаній, какое-либо одно. Нецѣлесообразно примѣненіе денежной пени и при наказаніяхъ лишеніемъ свободы на весьма продолжительный срокъ, такъ какъ оно явилась бы здѣсь ненужной жестокостью. Для должностныхъ лицъ слѣдуетъ замѣнять пеню удаленіемъ съ должности и вообще поставить въ качествѣ правила, что пеня не должна быть назначена совмѣстно съ удаленіемъ или отрѣшеніемъ отъ должности или съ запрещеніемъ продолжать какую-либо профессию.

Проф. Ру въ своихъ предположеніяхъ идетъ дальше. Онъ предлагаетъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ сдѣлать денежную пеню нормальнымъ наказаніемъ для всѣхъ преступниковъ, кромѣ лицъ, не имѣющихъ профессіи, профессиональныхъ злоумышленниковъ и рецидивистовъ. Тюремное заключеніе должно въ такихъ случаяхъ стать наказаніемъ дополнительнымъ, примѣненіе котораго должно быть поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія судьи; судья можетъ признать, что интересы общества требуютъ болѣе дѣйствительной защиты, и примѣнить поэтому наказаніе болѣе строгое, максимумъ котораго опредѣленъ въ законѣ. Выгоды этой системы будутъ заключаться въ томъ, что законодатель сумѣетъ избѣжать опасности всякаго перечисленія нарушенийъ, при которыхъ пеня могла бы оказаться цѣлесообразнымъ наказаніемъ, благодаря чему репрессія получитъ особенную гибкость и приспособляемость къ обстоятельствамъ преступленія и характера преступника. Наконецъ, денежная пеня при этихъ условіяхъ не будетъ назна-

---

¹⁾ Въ Бельгіи въ 1901 г. условное осужденіе при присужденіи къ тюрьмѣ было предоставлено въ 6022 случаяхъ (24% общаго числа осужденій къ тюремному заключенію). Во Франціи число условныхъ осужденій съ 8565—въ 1892 г. возвысилось до 21752—въ 1902 г.

чаема противъ такихъ лицъ, противъ которыхъ она недействительна и неосуществима. Расширеніе судейскаго усмотрѣнія, вводимое такою реформой, не больше чѣмъ произведенное любымъ изъ современныхъ новыхъ институтовъ. Интересы карательной политики при этомъ сильно выиграли бы, такъ какъ положенъ былъ бы конецъ злоупотребленіямъ краткосрочными наказаніями лишеніемъ свободы.

Венгерскій проф. *Рустемъ Вамбери*, въ своемъ обстоятельномъ и богатомъ литературными указаніями докладѣ, считаетъ, что денежная пеня въ качествѣ дополнительнаго наказанія должна быть поставлена въ зависимость отъ мотивовъ дѣянія и отъ характера преступника. Суду должно быть предоставлено право назначать пеню при всякомъ преступномъ дѣяніи, влекущемъ лишеніе свободы на срокъ не свыше трехъ лѣтъ, если мотивы учиненнаго дѣянія вытекаютъ изъ корыстолюбія и жадности, или въ случаяхъ, въ которыхъ, хотя и можно приписать дѣяніе другимъ мотивамъ, но слѣдуетъ признать, что состояніе чувствъ виновника таково, что примѣненіе денежной пени явится для него наказаніемъ весьма чувствительнымъ. Дополнительное наказаніе денежной пеней должно быть примѣнено сообразно съ условіями, перечисленными выше, и безотносительно къ продолжительности наказанія лишеніемъ свободы въ томъ случаѣ, когда размѣръ пени не превышаетъ суммы доходовъ, получаемыхъ виновнымъ въ теченіе года, съ капитала, которымъ онъ пользуется. Авторъ подчеркиваетъ необходимость сообразовать размѣръ пени съ имуществомъ осужденнаго ¹⁾.

---

¹⁾ Заимствуемъ изъ доклада перечисленіе тѣхъ суррогатовъ, которые предлагались различными авторами для опредѣленія ради карательныхъ цѣлей имущества осужденнаго. Проф. *Листъ* предлагаетъ принимать во вниманіе прямыя подати, уплачиваемыя виновнымъ; *Жаквез* и *Лиліенталь* предлагаютъ принять въ качествѣ такого признака доходъ или поденную плату; *Медемъ* также принимаетъ за признакъ дневной доходъ, установленный на основаніи свидѣтельства объ уплатѣ податей. Проф. *Зейфертъ* предлагаетъ принять въ основу стоимость доходовъ, обложенныхъ налогами, чтобы установить пеню въ зависимости отъ важности имущества и доходовъ. *Шмельдеръ*, предлагая сообразовать размѣръ денежной пени съ виновностью осужденнаго, рекомендуетъ судьямъ опредѣлять самому общимъ образомъ степень богатства подсудимаго: особенной точности здѣсь не требуется, такъ какъ несправедливость проявляется лишь при болѣе рѣзкомъ различіи экономическаго состоянія богача и бѣдняка.

Законодательства въ извѣстной степени принимаютъ во вниманіе степень состоятельности. Португальское уложеніе въ ст. 67 одно только принимаетъ въ основу назначенія размѣровъ денежной пени доходы. Оно прямо говоритъ, что

Ванъ Дюль предлагаетъ перенести въ общую часть уголовного уложенія правило о предоставленіи судѣ права назначать при преступленіяхъ на ряду съ лишеніемъ свободы и денежную пеню, если мотивомъ учиненнаго дѣянія была корысть или жадность и если характеръ учиненнаго дѣянія въ связи съ имущественнымъ положеніемъ виновнаго дѣлаетъ желательнымъ назначеніе противъ него дополнительнаго денежнаго наказанія. При этомъ послѣднее не можетъ быть назначено, если лишеніе свободы опредѣлено на срокъ болѣе пяти лѣтъ; оно не можетъ превышать 50.000 франковъ. Примѣненіе денежной пени должно быть поставлено въ зависимость отъ усмотрѣнія судьи и никогда не должно быть обязательно. Предложенія эти особенно цѣнны потому, что они исходятъ отъ нидерландскаго юриста-практика (въ Голландіи, какъ указано, денежная пеня какъ дополнительное наказаніе не примѣняется). Авторъ указываетъ, что допущеніе этого дополнительнаго наказанія признается полезнымъ многими голландскими юристами.

Съ другой стороны, въ докладѣ профессора университета въ Христианіи *Урбай* (Urbye) защищается точка зрѣнія норвежскаго права, также не допускающаго дополнительной пени. Авторъ сомнѣвается въ цѣлесообразности установленія противовѣса корыстнымъ склопностямъ въ видѣ наказанія. Большею частью вслѣдствіе несостоятельности подсудимый приговаривается лишь къ двумъ наказаніямъ лишеніемъ свободы за одно и то же дѣяніе, вмѣсто одного. Денежная пеня здѣсь стоитъ въ зависимости отъ главнаго наказанія, подчинена вмѣстѣ съ нимъ теченію давности, не можетъ

денежная пеня устанавливается въ размѣрѣ одного или нѣсколькихъ суточныхъ доходовъ, при чемъ эти доходы должны быть вычислены отъ 100 рейсовъ въ минимумъ и до 2000--въ максимумъ. Ст. 84 испанскаго уложенія обязываетъ судью принимать во вниманіе имущество или состоятельность обвиняемаго; въ проектѣ норвежскаго уложенія въ ст. 27 имѣлось правило, что минимумъ не можетъ быть ниже стоимости доходовъ виновнаго за два дня, максимумъ же не можетъ превышать трехмѣсячнаго заработка или быть выше средствъ, необходимыхъ для существованія подсудимаго. Но это предположеніе не было введено въ законъ. Ст. 47 швейцарскаго проекта предписываетъ соразмѣрять величину пени съ состоятельностью; кромѣ того эта сумма можетъ быть понижена впоследствии, если обнаружится изъ новыхъ обстоятельствъ, что взысканіе назначенной пени можетъ нанести серьезный ударъ благосостоянію осужденнаго. Ст. 59 датскаго уложенія и австрійскій проектъ 1893 г. предписываютъ судѣ принимать во вниманіе имущественное положеніе осужденнаго, его доходы и заработки.

быть взыскиваема съ наслѣдниковъ или лицъ, воспользовавшихся плодами преступленія. Правильнѣе придать ей особый юридическій характеръ, поставивъ ее какъ особый видъ возмѣщенія полученной выгоды, уплачиваемаго государству, т. е. принять норвежскую систему.

Отрицательно къ денежной пенѣ, какъ къ дополнительному наказанію, относится и *Брукъ-Фаберъ*, тюремный дѣятель Люксембурга. Полагая, что каждое наказаніе прежде всего имѣетъ цѣлью возстановленіе публичныхъ интересовъ, авторъ указываетъ, что роль денежной пени какъ дополнительнаго возстановленія сводится къ нулю, такъ какъ это возстановленіе уже сдѣлано главнымъ наказаніемъ. Но кромѣ возстановленія публичныхъ интересовъ слѣдуетъ лишить преступника возможности воспользоваться плодами преступленія. Пригодной мѣрой для этого будетъ уже не наказаніе, не могущее быть примѣненнымъ здѣсь вслѣдствіе отсутствія матеріальнаго зла, а лишь основанное на требованіяхъ соціальной морали отобраніе этихъ плодовъ и обращеніе ихъ по инициативѣ самаго суда въ фискъ. Такая конфискація и явится дополнительнымъ возстановленіемъ публичныхъ интересовъ. Выгоды отъ замѣны денежной пени конфискаціей добытыхъ преступленіемъ благъ *Брукъ-Фаберъ* видитъ: 1) въ возможности отсрочки послѣдней до момента, когда освобожденный сумѣетъ упрочить свое экономическое положеніе, 2) въ томъ, что судьба ея не будетъ зависѣть отъ главнаго наказанія, 3) въ томъ, наконецъ, что она устраняетъ взглядъ на денежное взысканіе, какъ на особый государственный налогъ на преступленіе, замѣняя его общественно-цѣпнымъ убѣжденіемъ въ необходимости возстановленія принесеннаго вреда и отказа отъ незаконно полученныхъ благъ. При этомъ авторъ предполагаетъ предоставить потерпѣвшему право, если конфискація произнесена въ его пользу, отказаться отъ возстановленія конфискованной вещи въ пользу осужденнаго.

По поводу этой системы замѣтимъ, что она во многомъ покинута на ошибочномъ представленіи о возможности возмѣщенія публичнаго вреда и о томъ, что противомотивъ долженъ быть равенъ мотиву. Денежная пеня назначается главнымъ образомъ въ цѣляхъ предупредительныхъ, какъ и всякое наказаніе, между тѣмъ какъ предложенная система сводитъ денежную пеню къ простому гражданскому возмѣщенію или взысканію незаконнаго обогащенія. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что предупредительная дѣятельность играетъ въ настоящее время еще значительную роль.

Докладъ *Муссо* скорѣе устанавливаетъ общепризнанныя положенія примѣненія денежной пени, нежели разсматриваетъ политически сферу ея примѣненія. Требуя строго уголовного характера денежной пени и обособленія ея отъ гражданскаго вознагражденія, авторъ указываетъ на необходимость индивидуальности ея. Денежная пеня должна преслѣдовать цѣль исправленія, и потому, чѣмъ сильнѣе проявившаяся корыстная склонность, тѣмъ выше должна быть и пеня; впрочемъ, она должна быть сообразована также со степенью состоятельности преступника. Размѣръ долженъ быть настолько великъ, чтобы она была въ состояніи возможно чаще упразднить необходимость въ тюремномъ заключеніи. Докладъ *Муссо* является какъ-бы мотивированнымъ возраженіемъ на теорію норвежскаго уложенія и на предложенія *Брукъ-Фабера*.

Докладъ *Спальдина* изъ Бостона намѣчаетъ начала примѣненія денежной пени по англійскому праву. Общимъ недостаткомъ ея примѣненія является то, что денежная пеня механизмуетъ отправленіе правосудія. Судья считаетъ пеню наказаніемъ легкимъ и поэтому не признаетъ нужнымъ входить въ болѣе глубокую оцѣнку фактовъ, передъ тѣмъ какъ произносить приговоръ. Это доказывается многочисленностью случаевъ тюремнаго заключенія за первое преступленіе. Если бы за преступное дѣяніе грозила тюрьма, судья назначилъ бы условную отсрочку наказанія; назначая штрафъ, онъ не задумывается надъ этимъ вопросомъ и вслѣдствіе этого часто косвенно вызываетъ излишнее тюремное заключеніе. Большая часть доклада *Спальдина* посвящена разсмотрѣнію денежной пени, какъ наказанія замѣняющаго или самостоятельнаго, а не дополнительнаго, и потому не относится къ нашей темѣ.

Докладъ *Дюбуа* проводитъ лишь ту мысль, что опредѣленіе случаевъ примѣненія пени, какъ дополнительной кары, должно быть предоставлено усмотрѣнію судьи, вслѣдствіе затруднительности установленія легальнаго перечня преступленій, вытекающихъ изъ корыстныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ, резюмируя мысли докладчиковъ, можно отмѣтить, что въ общемъ замѣтно стремленіе къ расширенію примѣненія денежной пени. Большинство законодательствъ признаетъ цѣлесообразность существованія ея, какъ наказанія, и только норвежское уложеніе придаетъ ему цивилистическую конструкторію. Изъ отдѣльныхъ преступленій примѣненіе пени признается большею частью цѣлесообразнымъ при корыстныхъ преступленіяхъ, преступ-

леніяхъ по страсти, преступленіяхъ по неосторожности. Размѣръ денежной пени признается необходимымъ въ большей степени приспособить къ экономическому положенію осужденнаго, чѣмъ то имѣеть мѣсто въ настоящее время.

Б. Вторая часть вопроса о способахъ взысканія денежной пени имѣеть большое практическое значеніе, такъ какъ денежная пеня только тогда и можетъ имѣть смыслъ, когда будетъ обезпечена возможность полученія ея. Во Франціи въ 1902 г. сумма денежныхъ пеней достигла почтенной цифры въ 6.501,766 франковъ, изъ которой можно было только взыскать 1.987,827 франковъ ¹⁾. Затруднительность полученія денежныхъ взысканій явствуетъ и изъ того, что въ томъ же году изъ 8,246,578 франковъ, наложенныхъ въ качествѣ судебныхъ издержекъ, удалось получить лишь 3,499,697 фр. Въ Венгріи въ 1903 г. сумма взысканныхъ денежныхъ пеней доходитъ до 1,155,118 кронъ; въ общемъ число денежныхъ пеней, обрацаемыхъ въ наказаніе лишеніемъ свободы, доходитъ до 44—46%, и ежегодно до 50.000 человѣкъ вълѣдствіе такой замѣны отбываютъ излишнее тюремное заключеніе. По исчисленіямъ Штосса для Швейцаріи, въ пей ежегодно до 8000 человѣкъ отбываютъ наказаніе лишеніемъ свободы въ замѣнъ денежной пени. Для большинства наказаніе это является совершенно бесполезнымъ, если не вреднымъ. Спальдингъ приводитъ любопытную анкету, произведенную въ Бостонскомъ арестномъ домѣ въ 1901 г. Изъ 140 заключенныхъ туда за неуплату денежной пени: 72 преступника уже подвергались тюремному заключенію отъ 10 до 19 разъ; 13—отъ 20—29 разъ; 9—отъ 30—39 разъ; 8—отъ 40—49 разъ; 5—отъ 50—96 разъ. Изъ этихъ данныхъ можно заключить, насколько бесполезнымъ является увеличеніе этого количества сидѣній еще нѣсколькими днями тюрьмы, назначаемыми вмѣсто денежной пени. Такое положеніе побудило изыскать болѣе дѣйствительныя средства обезпеченія взысканія денежной пени или замѣны ея другими взысканіями. Передъ тѣмъ какъ перейти къ отдѣльнымъ взглядамъ докладчиковъ, укажемъ, согласно принятому порядку, на нѣкоторыя мѣры, практикующіяся уже въ законодательствахъ.

Французское и испанское (ст. 49—52) законодательства не

---

¹⁾ Число случаевъ назначенія тюремнаго заключенія за неуплату денежной пени во Франціи растетъ съ каждымъ годомъ: 1872—1875 г. число случаевъ было 3421, въ 1876—6313, въ 1877—7249, въ 1878—8192, въ 1879—9112, въ 1884—13413, въ 1885—16660 и въ 1902—28,831.

знаютъ ареста, какъ мѣры, замѣняющей денежную пеню, но въ случаѣ неплатежа пени предписываютъ личное задержание за долги. Продолжительность этого послѣдняго часто не соотвѣтствуетъ величинѣ пени; само задержание иногда превращается въ карательное, при чемъ задержавные не всегда строго отдѣлены отъ уголовныхъ преступниковъ. Въ *Германіи* пеня при неплатежѣ замѣняется арестомъ—при проступкахъ и тюрьмой—при преступленіяхъ. Частичная уплата пени не мѣшаетъ примѣненію оставшейся части тюремнаго заключенія. По *итальянскому* уложенію при несостоятельности пени замѣняется заключеніемъ, которое исчисляется такъ, что одинъ день заключенія равняется десяти лирамъ пени; заключеніе можетъ быть всегда прекращено уплатой пени. вмѣсто заключенія на осужденнаго можетъ быть возложено обязательство работъ въ пользу государства, провинціи или коммуны, при чемъ два дня работы приравниваются къ одному дню заключенія. Въ проектѣ *Швейцарскаго* уложенія принять слѣдующій порядокъ. Судья предоставляетъ осужденному къ пенѣ срокъ отъ 15 дней до 3-хъ мѣсяцевъ для производства уплаты. Если осужденный не имѣетъ постоянного мѣстожителства въ Швейцаріи, судья можетъ потребовать отъ него немедленной уплаты или гарантій платежа. Нуждающемуся осужденному можетъ быть предоставлена возможность уплаты по срокамъ или пеня можетъ быть замѣнена работой въ пользу государства или коммуны, если обстоятельства позволяютъ это. Если пеня не можетъ быть уплачена такимъ образомъ, то осужденный долженъ возмѣстить ее работой, производимой въ спеціально созданныхъ для этой цѣли установленіяхъ. Въ теченіе этого времени онъ лишенъ свободы; если же онъ неспособенъ къ работѣ, его подвергаютъ одиночному заключенію, засчитывая день заключенія за пять франковъ; такое заключеніе въ общемъ не можетъ продолжаться болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Норвежское уложеніе въ ст. 27 требуетъ при назначеніи денежной пени обращать особое вниманіе на то, будетъ ли осужденный въ состояніи уплатить ее, такъ какъ иначе пеня явится замаскированнымъ лишеніемъ свободы. Согласно правиламъ, изданнымъ королемъ, судья можетъ разрѣшить осужденному уплату пени частями или возмѣстить ее работой на пользу государства или общины. Если осужденный не дѣлаетъ ни того, ни другого, то пеня взыскивается гражданскимъ порядкомъ, если только такое взысканіе не причинитъ значительнаго вреда имущественному положенію осужденнаго или его доходамъ. Приговоръ, по которому назначается

тюремное заключеніе отъ одного дня до 3-мѣсяцевъ, можетъ повысить срокъ заключенія, при идеальной и реальной совокупности преступленій, до 4^{1/2} мѣсяцевъ, если пеня не уплачена. При уплатѣ лишь части пени, остальная пропорціонально обращается въ наказаніе лишеніемъ свободы, при чемъ части дня считаются за день. Заключеніе это обыкновенно отбывается въ одиночномъ заключеніи, и заключенные принуждаются къ работамъ. Продолжительность замѣняющаго тюремнаго заключенія опредѣляется судьей, но она должна быть настолько велика, чтобы каждый осужденный предпочелъ уплату пени тюремному заключенію.

Нидерландское уложеніе также допускаетъ отсрочку уплаты на срокъ въ два мѣсяца, болгарское—на срокъ до трехъ мѣсяцевъ. Уплата частями, кромѣ швейцарскаго и норвежскаго уложеній, допускается и въ англійскомъ правѣ (42 и 43 Vic. c. 49), въ прусскомъ регламентѣ и въ ст. 535 венгерскаго уст. угол. суд. Принципъ возмѣщенія денежной пени работой находилъ себѣ примѣненіе въ Швеціи и Норвегіи еще въ XVIII столѣтіи. Сепаратные законы Пруссіи (15 апрѣля 1878 г. о лѣсныхъ покражахъ), Франціи (10 іюня 1859 г.) разрѣшали вмѣсто уплаты пени производство работъ. Въ настоящее время, какъ мы видѣли, только норвежское уложеніе и швейцарскій проектъ допускаютъ это; сюда нужно отнести также уложенія кантоновъ Ваадтъ и Швицъ ¹⁾. Но, конечно, одного только допущенія возможности работы мало, необходимо обезпечить и фактическое осуществленіе такой замѣны.

Практическія предложенія десяти докладчиковъ по этому вопросу сводились къ слѣдующимъ.

Ванъ-Дюль предлагаетъ, сдѣлавъ назначеніе денежной пени факультативнымъ для судьи, придерживаться слѣдующихъ правилъ. Для уплаты пени судья долженъ въ приговорѣ указать срокъ, продолжительностью отъ 15 дней до 3-хъ мѣсяцевъ, начиная со дня вступленія приговора въ законную силу. Законъ долженъ далѣе предоставить судѣ право разрѣшать уплату пени посрочно въ тѣхъ случаяхъ, когда того требуютъ финансовое положеніе осужденнаго или рабочія силы его; разрѣшеніе это можетъ быть дано или по просьбѣ осужденнаго, или по инициативѣ самого судьи. Размѣры и сроки частичныхъ взносовъ должны быть указаны въ приговорѣ. При предоставленіи такого разрѣшенія заработокъ осужден-

---

¹⁾ Возможность замѣны денежной пени работой предусмотрена русскимъ законодательствомъ для лицъ, не принадлежащихъ къ дворянамъ и чиновникамъ.

наго и его поденная плата будутъ служить судья въ качествѣ мѣры. Въ случаѣ неуплаты въ указанный срокъ пени должна быть замѣнена заключеніемъ. Срокъ этого заключенія обозначается въ приговорѣ и можетъ продолжаться отъ одного дня до двухъ лѣтъ. При опредѣленіи продолжительности заключенія мѣрою для судьи долженъ послужить ежедневный заработокъ, разсматриваемый въ связи со всеѣмъ имуществомъ, или поденная плата осужденнаго; но цѣнность одного дня заключенія не должна быть исчисляема менѣе одного франка. Для бѣдняковъ одинъ франкъ пени всегда долженъ быть замѣненъ днемъ заключенія. Заключение всегда должно быть отбываемо въ одиночномъ заключеніи съ обязательными работами въ пользу государства. Оно должно быть отбываемо въ особыхъ учрежденіяхъ, предназначенныхъ для этой цѣли. Осужденный можетъ избѣгнуть остальной части заключенія уплатой денежной пени. Уже отбытое наказаніе или частичная уплата пени всегда будутъ разсматриваться какъ обстоятельства, уменьшающія сумму пени, согласно мѣрѣ, указанной выше. Предложенія голландскаго судьи, вводя нѣкоторыя улучшенія, слишкомъ низко однако оцѣниваютъ личную свободу, приравнивая день одиночнаго заключенія къ сорока копѣйкамъ пени и позволяя продолжать одиночное заключеніе до 2-хъ лѣтъ за сравнительно легкія уголовныя нарушенія. Наконецъ, практическихъ мѣръ въ собственномъ смыслѣ они намѣчаютъ немного.

Проф. Демогъ изъ Лилля предлагаетъ измѣнить законодательства въ томъ направленіи, чтобы всяческими мѣрами побудить осужденнаго къ уплатѣ пени. Такъ, законъ долженъ позволить секвестрировать движимое имущество осужденнаго до тѣхъ поръ, пока не будетъ произведена уплата. Слѣдуетъ установить также обязательную уплату пени отработкой опредѣленнаго числа рабочихъ дней. Лицо, не уплатившее пени, должно быть лишено политическихъ правъ, ему должно быть воспрещено играть какую-либо роль въ публичномъ собраніи, ему должно быть запрещено посѣщать трактиры и даже покидать назначенное ему мѣсто жительства. Но, кромѣ того, такое лицо должно быть подвергнуто заключенію до тѣхъ поръ, пока своею работою оно не выкупитъ цѣны назначенной ему пени; максимальный срокъ заключенія долженъ быть опредѣленъ въ законѣ. Назначенное взаменъ уплаты денежной пени, какъ дополнительнаго наказанія, заключеніе подъ стражу должно быть однородно съ видомъ лишенія свободы, назначеннымъ въ качествѣ главнаго наказанія; оно должно быть отбываемо пред-

почтительно немедленно послѣ главнаго наказанія, если можно предвидѣть необходимость прибѣгнуть къ нему. Нельзя сказать, что предлагаемая столь суровыя мѣры могутъ быть проведены въ жизнь и нельзя назвать ихъ справедливыми по отношенію къ тѣмъ, кто судьбою лишень возможности немедленно уплатить пеню. Очень можетъ быть, что при такихъ условіяхъ всякій захотѣлъ бы уплатить пеню, но, къ сожалѣнію, не всякій можетъ это, и потому предложенныя Демогомъ мѣры будутъ навлекать только излишнія ограниченія, не сообразованныя съ тяжестью учиненнаго нарушенія. Лишеніе политическихъ правъ и свободы передвиженія здѣсь совершенно неумѣстно.

Проф. Ру выставляетъ болѣе умѣренныя предложенія. Съ одной стороны, для того, чтобы обезнечить болѣе частую уплату присужденной денежной пени преступниками, имѣющими какія-либо средства къ жизни (имущество или заработную плату), слѣдуетъ: а) назначать пеню въ размѣрѣ, пропорціональномъ дѣйствительному или предполагаемому имуществу преступниковъ съ максимумомъ, установленнымъ въ законѣ, и б) разрѣшить уплату пени частями, число, сроки взноса и гарантіи точнаго исполненія которыхъ предоставить усмотрѣнію судьи. Съ другой стороны, по отношенію къ бѣднякамъ, но не нищимъ и не бродягамъ, не имѣющимъ возможности уплатить назначенную противъ нихъ пеню, слѣдуетъ принять: а) въ качествѣ общей мѣры замѣну пени спеціальнымъ видомъ лишенія свободы и б) въ качествѣ особой мѣры, допустить замѣну денежной пени обязательствомъ работы на соотвѣтствующихъ условіяхъ въ каждой странѣ.

Брукъ-Фаберъ предлагаетъ назначать пеню сообразно съ доходами подсудимаго, псчисляемыми на основаніи количества палоговъ или по оцѣнкѣ судьи, принимая во вниманіе также степень виновности, опредѣляемую извѣстнымъ коэффициентомъ. Слѣдуетъ также облегчить уплату пени посредствомъ учрежденія особыхъ мѣстныхъ сборщиковъ. Такіе органы позволяли бы избѣгнуть напраснаго принятія принудительныхъ мѣръ въ тѣхъ случаяхъ, когда неплатежъ является послѣдствіемъ извѣстной лѣности плательщика, которому необходимо для уплаты преодолѣть рядъ формальностей, а, можетъ быть, и поѣздку въ городъ, гдѣ находится судъ. Для упорно-отказывающихся отъ платежа пени слѣдуетъ установить строгій режимъ заключенія, дѣйствующій репульсивно на такое упорство. Для тѣхъ же преступниковъ, которые являются дѣйствительно несостоятельными, слѣдуетъ создать особое замѣняющее заключеніе

сть болѣе умѣреннымъ режимомъ. Общимъ образомъ авторъ признаетъ полезнымъ примѣненіе условнаго освобожденія къ пенямъ, посредствомъ прекращенія исполненія наказанія. Это необходимо въ тѣхъ случаяхъ, когда заключеніе за неуплату пени лица, содержащаго многочисленную семью, влечетъ за собою страданія и бѣдствія этой семьи, лишенной кормильца. Последнее требованіе поддерживается нравственными соображеніями, которыя должны быть принимаемы во вниманіе при денежной пенѣ, какъ и при всякомъ наказаніи.

Прокуроръ *Муссо* предлагаетъ сохранить двѣ мѣры: арестъ имущества и замѣняющее наказаніе лишеніемъ свободы. Первая мѣра должна разсматриваться какъ нормальное производство при полученіи пени. Заключеніе въ тюрьму необходимо сохранить для того, чтобы несостоятельные не оставались безнаказанными. При замѣнѣ необходимо, чтобы каждый отбывалъ заключеніе лишь за ту пеню, которая назначена противъ него, а не противъ его соучастниковъ. Заключеніе можетъ быть отмѣнено во всѣхъ случаяхъ, когда судъ сочтетъ то нужнымъ. Заключенные не должны быть помѣщаемы вмѣстѣ съ другими заключенными; кромѣ того законодатель долженъ позволить имъ вмѣсто заключенія отбывать работы на пользу казны. Приблизительно къ такому же улучшенному виду французскихъ постановленій сводятся и положенія *Дюбуа*, который требуетъ ареста имущества во всѣхъ случаяхъ, когда есть основаніе предполагать, что у осужденнаго имѣется злая воля не платить пени; въ случаѣ же несостоятельности должно наступать заключеніе въ тюрьму, но лишь послѣ того, какъ положеніе осужденнаго будетъ разслѣдовано компетентною властью.

Предложенія *Лебег* (*Lebesg*) сводятся къ указанію на необходимость организаціи публичныхъ работъ и примѣненія тюремнаго заключенія только къ лицамъ неспособнымъ къ труду или неимѣющимъ регулярныхъ занятій.

Проф. Вамбери признаетъ цѣлесообразнымъ предоставить суду 1) право факультативно (но не обязательно) замѣнять пеню публичными работами, 2) разрѣшать уплату пени въ отдѣльные сроки частями и 3) установить болѣе продолжительный срокъ для уплаты пени послѣ постановленія приговора. Авторъ подробно разсматриваетъ возраженія, приводившіяся противъ труда, какъ карательнаго средства и признаетъ ихъ несостоятельными.

Наконецъ, *Спальдингъ* признаетъ цѣлесообразными двѣ мѣры: допущеніе условнаго осужденія въ болѣе широкомъ размѣрѣ при

присужденіи къ денежной пенѣ, ограничиваясь лишь выговоромъ, и затѣмъ для тѣхъ, которые не вняли выговору и предостереженію въ первый разъ—подчиненіе надзору особыхъ лицъ (испытательная система). Эти лица будутъ наблюдать за работой осужденнаго и за тѣмъ, чтобы онъ уплачивалъ части пени тогда, когда представляется ему возможность того. Такая мѣра принята закономъ Массачузетса и приноситъ хорошіе результаты.

Различныя мѣры, предлагавшіяся докладчиками, были сведены воедино общимъ докладчикомъ г. *Торнай*, который представилъ весьма обстоятельныя тезисы, прошедшіе почти безъ измѣненій какъ черезъ секцію, такъ и чрезъ общее собраніе.

„I. Уголовное уложеніе должно установить въ качествѣ общаго правила, что судья имѣетъ право примѣнять денежную пеню въ качествѣ дополнительнаго наказанія во всѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ, что мотивомъ учиненія преступленія была корысть.

Кромѣ того законодатель можетъ въ особенной части уложенія обозначить тѣ преступленія, которыя независимо отъ мотива корысти могутъ быть обложены денежной пеней, какъ наказаніемъ дополнительнымъ.

Максимумъ и минимумъ этой пени должны быть опредѣлены общимъ образомъ.

II. § 1. Въ приговорѣ пеня должна быть назначаема пропорціонально съ состояніемъ осужденнаго. Съ этою цѣлью судья долженъ выяснить во время производства дѣла имущественное положеніе обвиняемаго. Если осужденный не имѣетъ имущества, то приговоръ долженъ устанавливать фактъ невозможности взысканія пени. Пеня признается не могущей быть уплаченной, если взысканіе ея лишило бы осужденнаго его необходимаго имущества.

§ 2. Органъ, получившій порученіе выполнить приговоръ, уполномоченъ на дачу разрѣшенія уплаты пени частями или посредствомъ исполненія публичной работы. Осужденный можетъ приносить жалобу въ іерархическомъ порядкѣ противъ постановленій этого исполнительнаго органа.

§ 3. Съ осужденнаго, который въ точности уплатитъ три четверти своихъ взносовъ въ срокъ или выполнитъ $\frac{3}{4}$ обязательства работы, не подвергнувшись новому осужденію, осталъная часть пени будетъ снята.

§ 4. Въ этихъ случаяхъ и если пеня не можетъ быть покрыта посредствомъ ареста имущества, она будетъ замѣнена лишеніемъ свободы того же рода, какъ и главное наказаніе.

§ 5. Пени не можетъ быть взыскиваема съ наслѣдства умершаго осужденнаго“.

Послѣ сравнительно несущественныхъ преній были приняты п.п. I и II §§ 1, 2, 3, 5, вмѣсто 4-го было принято слѣдующее предложеніе г. *Касторжиса*: „Въ случаѣ несостоятельности осужденнаго слѣдовало бы избѣгать замѣны пени тюремнымъ заключеніемъ и прибѣгнуть къ примѣненію другихъ средствъ и въ особенности предложить осужденному уплату ея работой“. Къ послѣднему пункту предложеній секція, по предложенію Сентъ-Обена и Локара, дѣлаетъ слѣдующее добавленіе: „не слѣдуетъ никогда требовать солидарной отвѣтственности при назначеніи денежной пени“. Несмотря на нѣкоторыя замѣчанія *проф. Пьерантони*, указывавшаго на примѣнимость п.п. 5 и 6 резолюціи только къ французскому праву, резолюція принимается большинствомъ голосовъ. *Бруза* вноситъ предложеніе, чтобы на программу ближайшаго пенитенціарнаго съѣзда былъ поставленъ вопросъ о томъ, съ помощью какихъ средствъ можно при назначеніи пени избѣгнуть послѣдствій неравенства въ имущественномъ положеніи осужденныхъ, но председатель указываетъ ему, что это предложеніе теперь же можетъ быть разсматриваемо.

Резолюція собранія, такимъ образомъ, на ряду съ нѣкоторыми существенными общими началами примѣненія денежной пени допустила и чисто техническія правила. Едва-ли цѣлесообразнымъ явится § 3 резолюціи, ставящій денежную пеню цѣли спеціальнаго предупрежденія.

III.

Типичнымъ примѣромъ того, какое преобладающее вліяніе имѣетъ на пенитенціарныхъ конгрессахъ точка зрѣнія французскаго законодательства, служитъ вопросъ объ *укрываетельствѣ* добытаго преступленіемъ имущества, разсмотрѣнный въ засѣданіи первой секціи отъ 6-го сентября 1905 г. На обсужденіе былъ поставленъ вопросъ: „слѣдуетъ ли разсматривать укрывательство какъ спеціальное преступленіе или какъ видъ соучастія“? Выборъ вопроса нельзя назвать удачнымъ. Вопросъ этотъ давно рѣшенъ какъ наукой, такъ и законодательствами. Изъ европейскихъ законодательствъ громадное большинство разсматриваетъ укрывательство какъ спеціальнѣйшій деликтъ ¹⁾, и только французское уложеніе, да

¹⁾ Сюда относятся: германское уложеніе, ст. 259 сл.; венгерское уложеніе,

заимствовавшія оттуда его—португальское и шведское уложенія сохраняютъ, какъ пережитокъ, взглядъ на укрывательство добытаго преступленіемъ, какъ на видъ соучастія. Съ другой стороны, и наука не только въ лицѣ отдѣльныхъ авторовъ, но и на международныхъ конгрессахъ, рѣшительно осудила старую французскую теорію. Петербургскій пенитенціарный конгрессъ, послѣ обсужденія вопроса о томъ, „какія мѣры могутъ быть приняты для болѣе дѣйствительнаго искорененія укрывательства похищеннаго и противъ привычныхъ укрывателей“, постановилъ слѣдующую резолюцію: „Чтобы съ большимъ усиліемъ бороться противъ укрывательства добытаго преступленіемъ, слѣдуетъ установить: 1) особыя административныя правила относительно нѣкоторыхъ профессій, какъ банкировъ, мѣняль, ювелировъ, старьевщиковъ, имѣющія цѣлью предупредить укрывательство; 2) сдѣлать изъ укрывательства не видъ соучастія, но специальный деликтъ, и 3) создать прогрессивное увеличеніе наказанія для рецидива въ этомъ деликтѣ. Такимъ образомъ пенитенціарный конгрессъ категорически высказался уже по этому вопросу. Мало того, французская группа криминалистовъ, которую специально вопросъ этотъ и можетъ интересовать, на съѣздѣ 7 іюня 1905 г. по вопросу о мѣрахъ обезпеченія репрессіи международныхъ преступленій приняла предложенную проф. Пуатевеномъ резолюцію о томъ, что „укривательство похищеннаго должно рассматриваться не какъ актъ соучастія, а какъ отдѣльный деликтъ, для чего необходимо измѣнить постановленія французскаго законодательства“.

Вопросъ такимъ образомъ не представлялъ никакихъ сомнѣній. Всѣ шесть докладовъ, представленныхъ по этому предмету, приходили къ одному и тому же выводу. Этотъ же взглядъ получилъ полное признаніе и въ резолюціи, вынесенной Будапештскимъ конгрессомъ. Если мы въ дальнѣйшемъ и остановимся на разсмотрѣннн этого вопроса, то отнюдь не въ цѣляхъ указанія доказательствъ необходимости признанія укрывательства самостоятельнымъ преступленіемъ, этого нынѣ безспорнаго положенія, а для

ст. 370 сл.; бельгійское (ст. 505 и 596), датское (ст. 238, 239), испанское (ст. 16, 17, 127), итальянское (ст. 421) нидерландское (ст. 416, 417) уложенія и всѣ уложенія швейцарскихъ кантоновъ, кромѣ кантона Валэ (ст. 317); русское уложеніе 1903 г. въ ст. 616 принимаетъ также эту систему. Противоположной системы, системы соучастія, придерживаются, кромѣ французскаго уложенія (ст. 62), шведское (глава 20 § 16) и португальское (ст. 22) уложенія.

того, чтобы отмѣтить тѣ интересные смежные вопросы, которые были затронуты при обсужденіи.

Проф. Пуатевенъ въ своемъ докладѣ отмѣнилъ точку зрѣнія международной репрессіи укрывательства и намѣтилъ юридическую конструкцію его (простое, привычное и квалифицированное укрывательство), придя въ общемъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Укрывательство есть спеціальныи деликтъ. Между нимъ и преступленіемъ, посредствомъ котораго добытъ укрываемый предметъ, существуетъ лишь связь смежности, но не соучастія. Результатомъ такого признанія является то, что укрывательство можетъ всегда разсматриваться въ судѣ той страны, гдѣ оно учинено, хотя бы даже главное дѣяніе было выполнено въ другой странѣ. Когда же главное преступленіе и укрывательство добытаго преступленіемъ учинены на одной и той же территоріи, то оба обвиненія должны быть соединены. Укрывательство, являясь самостоятельнымъ преступленіемъ, можетъ въ свою очередь допускать соучастіе. Что касается до видовъ укрывательства, то безкорыстное укрывательство, основанное, напр., на альтруистическомъ мотивѣ, можетъ разсматриваться какъ обстоятельство, смягчающее наказуемость; наоборотъ, усиливаютъ наказуемость при укрывательствѣ слѣдующія обстоятельства: привычка или профессія укрывательства, знаніе квалифицирующихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ главное преступленіе, и заключеніе соглашенія объ укрывательствѣ добытаго преступленія, сдѣланное до учиненія главнаго преступленія. При признаніи привычнаго укрывательства достаточно только увеличивать наказаніе, не вводя особой системы прогрессивнаго увеличенія тяжести санкціи при рецидивѣ. Знаніе усиливающихъ вину обстоятельствъ главнаго преступнаго дѣянія не должно являться всегда усиливающимъ вину укрывателя обстоятельствомъ, но лишь въ случаяхъ, спеціальнo перечисленныхъ въ статьяхъ объ укрывательствѣ добытаго преступленія имущества. Простое соглашеніе объ укрывательствѣ, заключенное до учиненія главнаго дѣянія, если разсматривать его какъ усиливающее наказуемость обстоятельство, не должно одно только увеличивать законное наказаніе укрывательства выше наказанія, положеннаго за главное дѣяніе. Изъ-за этого соглашенія, однако, укрывательство не должно стать актомъ соучастія; но укрыватель явится укрывателемъ и соучастникомъ, если онъ принималъ участіе, независимо отъ укрывательства, раньше въ дѣятельномъ приготовленія главнаго преступленія, и также, если онъ былъ членомъ шайки, составившейся для учиненія извѣстнаго преступленія.

Берле въ своемъ докладѣ намѣчаетъ неправильные выводы изъ допущенія теоріи соучастія. Такъ, неудобства возникаютъ при исчисленіи погасительной давности, такъ какъ укрывательство похищеннаго погашается въ зависимости отъ истеченія давности совершенія кражи (или другого преступленія), хотя бы само укрывательство было учинено одинъ или два года передъ этимъ. Далѣе амнистія порою совершенно неправильно распространяется на укрывателей: на примѣръ, укрыватели имущества, награбленнаго при возстаніи, будутъ помилованы на ряду съ главными виновниками, хотя дѣйствовали изъ корыстныхъ, а не политическихъ мотивовъ. Наконецъ, при теоріи соучастія невозможна международная репрессія укрывательства, такъ какъ укрыватели не могутъ быть наказаны въ той странѣ, гдѣ происходитъ укрывательство, если главное дѣяніе учинено за границей. Неудобства соединенія проявляются также и въ полной обособленности внѣшняго состава преступнаго дѣянія главнаго виновника и укрывателя добытаго преступленіемъ имущества и въ часто наблюдаемомъ различіи мотивовъ. Эти причины, по мнѣнію *Берле*, заставляютъ отказаться отъ прежней теоріи.

Въ докладѣ *Паско* (*Pascaud*) повторяются мысли, высказанныя предшествующимъ докладчикомъ. Спеціально отмѣченъ лишь вопросъ о значеніи указанія на цѣль присвоенія или обогащенія при укрывательствѣ похищеннаго; законодательства по этому вопросу расходятся. Итальянское (ст. 421), бельгійское (ст. 505), шведское (гл. XX ст. 16), австрійское (ст. 185, 186) законодательства и уложенія кантоновъ Фрибурга (ст. 203), Цюриха (ст. 178) и Женевы (ст. 334) не считаютъ необходимымъ признакомъ злой умыселъ присвоенія ко вреду другого; между тѣмъ какъ уложенія венгерское (ст. 370), нидерландское (ст. 416), германское (ст. 257) и датское (ст. 238) наоборотъ считаютъ цѣль обогащенія необходимой. Докладчикъ считаетъ достаточнымъ одинъ только внѣшній моментъ держанія у себя вещи, какъ болѣе доказуемый признакъ для наказанія.

Докладъ *Шерве* (*Chervet*) формулируетъ общеизвѣстныя положенія относительно обезпеченія международной репрессіи укрывательства, подробно разсматривая условія ея, не противорѣчащія съ правиломъ *ne bis in idem*. Необходимо обезпечить также и то, чтобы отдѣльные акты укрывательства, учиненные въ различныхъ странахъ, могли бы подлежать суду какой-либо одной изъ нихъ. Докладчикъ обозрѣваетъ французскую кассационную практику и рѣ-

шаетъ рядъ могущихъ возникнуть процессуальныхъ конфликтовъ.

Мы изложили сначала содержаніе докладовъ, представленныхъ французскими авторами, такъ какъ они, исходя отъ недостатковъ дѣйствующаго законодательства, могли ярче освѣтить вопросъ. Кроме того доклады представили проф. Орано изъ Рима и проф. Анджаль изъ Будапешта.

Проф. Орано пытается провести разграниченіе между укрывательствомъ и благопріятствованіемъ, какъ видомъ соучастія. Подъ укрывательствомъ слѣдуетъ разумѣть фактъ принятія, полученія или сокрытія денегъ или вещей, добытыхъ преступленіемъ, и стремленіе пріобрѣсти, принять или скрыть ихъ, безъ соучастія однако въ самомъ преступленіи. Сюда же слѣдуетъ отнести и завѣдомое пріобрѣтеніе и сознательное держаніе поддѣльныхъ монетъ съ цѣлью истратить ихъ или пустить въ обращеніе. Цѣль извлеченія выгоды не должна быть указана. Даже обычное укрывательство не можетъ быть рассматриваемо какъ видъ соучастія. Наоборотъ, по мнѣнію докладчика, слѣдуетъ рассматривать какъ настоящихъ соучастниковъ укрывателей, которые помогаютъ довести до конца преступное дѣяніе и оказываютъ послѣдующую помощь, если ихъ дѣйствія связаны съ рядомъ слѣдующихъ одно за другимъ преступленій. Къ соучастникамъ должны быть отнесены укрыватели имущества, давшіе заранѣе свое согласіе, и тѣ, которые обычно доставляютъ убѣжище злоумышленникамъ ¹⁾.

Докладъ *Анджала* былъ посвященъ преимущественно исторіи венгерскаго права и сравнительному обзорѣнію законодательствъ. Какъ вопросъ національный, укрывательство не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній, важнѣе теперь регулировать его интернациональную сторону, основныя положенія которой онъ и намѣчаетъ.

Преимущественно интернациональную регулировку вопроса имѣли въ виду и тезисы генеральнаго докладчика *Вернолака*, предложенные первой секціи въ засѣданіи 6 сентября 1905 г. 1) Укрывательство должно рассматриваться, какъ спеціальнй деликтъ. 2) Судебная власть, рассматривающая главное дѣло, должна рассматривать также и укрывательство, явившееся слѣдствіемъ этого пре-

---

¹⁾ Последняя оговорка принята относительно укрывателей и другихъ преступниковъ ст. 5 австрійскаго улож., ст. 4, 5, 6 бразильскаго, ст. 59, 60, 61 французскаго, ст. 50—62 голландскаго улож. а также ст. 63 улож. кантона Вале и ст. 52 улож. кантона Ваадтъ.

ступленія, въ какой бы странѣ оно ни произошло. 3) Государства будутъ выдавать своихъ подданныхъ, если будетъ установлено, что они оказываются виновными въ укрывательствѣ и предавать ихъ властямъ государства, въ которомъ происходитъ преслѣдованіе главнаго преступленія. 4) Если предметы, прибрѣтенные укрывателемъ, добыты посредствомъ преступленій противъ собственности, учиненныхъ на территоріяхъ различныхъ государствъ, то преимущество должно быть предоставлено тому государству, которое раньше возбудило просьбу о выдачѣ; оно будетъ управомочено на обвиненіе и судъ. 5) Если ни одно государство не представитъ просьбы о выдачѣ, то право и обязанность наказанія перейдутъ къ тому государству, въ которомъ было учинено дѣяніе“.

Тезисы докладчика, вводяшіе различныя казуистическіе вопросы международнаго права, а не намѣчавшіе ясно проблемы, не удовлетворили собранія и подверглись значительнымъ измѣненіямъ. Первоначально *проф. Ру* и *г-жа Поэтъ* предлагали принять систему англійскаго закона 1896 г., представляющую полную возможность нестѣсненной международной репрессіи укрывательства ¹⁾, но вслѣдствіе сложной редакціи этой системы собраніе не приняло ея. Съ другой стороны были признаны рискованными

---

¹⁾ Larceny act 1896 г. гласитъ: „Если кто-либо принимаетъ какой-либо предметъ, безъ извинительной по закону причины, или застигнуть вмѣстѣ съ какимъ-либо предметомъ, завѣдомо похищеннымъ виѣ предѣловъ Соединеннаго Королевства, то онъ можетъ быть наказанъ каторжными работами на срокъ не меньше трехъ лѣтъ и не выше семи лѣтъ или тюремнымъ заключеніемъ на срокъ, не превышающій двухъ лѣтъ съ принудительными работами или безъ нихъ; лицо это можетъ подвергаться преслѣдованію во всякомъ округѣ или во всякомъ мѣстѣ, въ которомъ оно хранитъ или хранило этотъ предметъ. Въ томъ, что касается настоящей статьи, вещь будетъ рассматриваться какъ похищенная, когда она взята, выхвачена, принята, похищена, обращена или отчуждена при такихъ обстоятельствахъ, что если бы дѣяніе было учинено въ предѣлахъ Соединеннаго Королевства, то лицо, совершившее его, было бы признано виновнымъ въ наказуемомъ дѣяніи по закону, дѣйствовавшему тогда въ Соединенномъ Королевствѣ. Нарушеніе, предусматриваемое въ настоящей статьѣ, явится преступленіемъ или проступкомъ, если преступное дѣяніе, учиненное виѣ предѣловъ Соединеннаго Королевства, составило бы преступленіе или проступокъ, будучи учинено въ предѣлахъ Англій или Ирландіи“. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что англійское законодательство рассматриваетъ кражу, какъ преступленіе продолжаемое. Воръ признается воруемымъ, пока онъ имѣетъ въ своемъ обладаніи украденную вещь. Его можно преслѣдовать, слѣдовательно, не только на мѣстѣ кражи, но повсюду, гдѣ онъ находится въ обладаніи похищенной вещью.

предложенія докладчика о выдачѣ своихъ подданныхъ и о конфликтѣ между государствами. *Проф. Пьерантони*, специалистъ по международному праву, заявляетъ о спорности этихъ вопросовъ въ самой наукѣ международного права и предлагаетъ собранію по некомпетентности воздержаться отъ обсуждения ихъ. Собраніе признаетъ правильность этого замѣчанія и выпускаетъ пп. 3 и 4. Въмѣсто 2 и 5 п. принимаются тезисы, предложенные Фейлолэемъ: „Преступленіе укрывательства, составляя нарушение законодательства отдѣльнаго государства, на территоріи котораго оно выполнено, должно быть наказано по законамъ этой страны. Однако преступникъ не можетъ быть судимъ и наказываемъ вновь, если онъ докажетъ, что онъ уже былъ обвиняемъ предъ судомъ государства, разсматривавшаго главное дѣяніе, и что въ странѣ, гдѣ онъ былъ осужденъ, онъ понесъ уже наказаніе“. Кромѣ того Фейлолэй предлагалъ рядъ практическихъ полицейскихъ мѣръ для борьбы съ международнымъ укрывательствомъ. Въ дополненіе къ тезисамъ докладчика по предложенію Андре, Дюрана и Обершала было постановлено: „Для облегченія международного преслѣдованія укрывательства слѣдовало бы установить близкія международныя сношенія между государствами (contact international), чтобы разъ констатированное въ одномъ государствѣ нарушение было принимаемо повсюду, какъ установленный фактъ“.

Предложенія секціи послужили предметомъ горячихъ преній на общемъ собраніи. *Проф. Бруза* высказываетъ опасеніе, что въ предложеніи находится слишкомъ много догматическихъ утверженій. Достаточно выразить пожеланіе, чтобы каждое государство преслѣдовало на своей территоріи укрывателя, независимо отъ всякаго юридическаго понятія укрывательства, такъ какъ въ сферѣ понятій соглашеніе можетъ быть и недостигнуто. Точка зрѣнія международного права вполне законна: Брюссельскій конгрессъ обсуждалъ и выносилъ резолюціи по такимъ вопросамъ. Румынскій уполномоченный *Геровани* вноситъ дополнительное предложеніе, поддержанное Брузой: „Слѣдуетъ признавать укрывательство существующимъ даже тогда, когда главное дѣяніе (кража и др.) было бы ненаказуемымъ (напр., кража семейная), или было погашено по закону вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній или обстоятельствъ, относящихся къ виновнику главнаго преступнаго дѣянія¹⁾“. Несмотря на возраженія докладчицы г-жи Поэтъ и г. Гайемъ,

¹⁾ Подобное предложеніе излишне, если разсматривать укрывательство, какъ

добавленіе принимается. Окончательно принятая резолюція сводится къ слѣдующимъ тезисамъ:

„1) Конгрессъ выражаетъ пожеланіе, чтобы укрывательство добытаго преступленіемъ разсматривалось какъ специальное преступленіе. Слѣдуетъ признавать укрывательство существующимъ даже тогда, когда главное дѣяніе было бы ненаказуемымъ или было бы погашено по закону вслѣдствіе нѣкоторыхъ соображеній или обстоятельствъ, относящихся къ виновнику главнаго преступнаго дѣянія.

„2) Преступленіе укрывательства, являясь нарушеніемъ закона отдѣльнаго государства, на территоріи котораго оно выполнено, должно подлежать наказанію согласно законамъ этой страны. Однако преступникъ не можетъ быть судимъ и наказанъ снова, если онъ докажетъ, что онъ былъ судимъ государствомъ, гдѣ учинено главное преступное дѣяніе, и что, въ случаѣ осужденія, онъ отбылъ свое наказаніе.

„3) Для облегченія международнаго преслѣдованія укрывательства слѣдовало бы установить близкія международныя сношенія между государствами, чтобы разъ констатированное въ одномъ государствѣ нарушеніе было принимаемо повсюду, какъ установленный фактъ“.

IV.

Однимъ изъ главныхъ вопросовъ конгресса былъ предложенный по инициативѣ греческаго правительства вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли, судя по результатамъ суда присяжныхъ, ввести въ него какія-либо реформы. За недостаткомъ мѣста и вслѣдствіе того, что вопросъ этотъ по существу обсуждался мало на самомъ конгрессѣ, мы приведемъ лишь бѣглое резюме представленныхъ 12-ти докладовъ и принятую резолюцію. Противниками суда присяжныхъ выступили *Гарофало*, *Юнгансъ* и отчасти *Конти*. *Гарофало* считаетъ судъ присяжныхъ судомъ невѣжественныхъ людей, судомъ слѣпцовъ. Жюри оказываетъ развращающее вліяніе на преступность, систематически оправдывая за политическія преступленія, за преступленія по страсти. Правосудіе благодаря присяжнымъ превращается въ азартную игру. Реформировать этотъ судъ—значить упразднить его совершенно. *Уго Конти*, примыкая въ отрицательномъ отношеніи къ суду присяжныхъ къ *Гарофало*, считаетъ воз-

---

самостоятельное преступленіе. Для состава его нужно, чтобы вещь была похищена а не то, чтобы это похищеніе было наказуемымъ. Амністія главнаго преступленія также не распространяется въ такомъ случаѣ на укрывательство.

возможнымъ однако сохранить его въ политическихъ дѣлахъ для смягченія ригоризма законодательства, пока магистратура не станетъ въ достаточной степени безпартійной. Докладчикъ изъ Германіи— *Юнгансъ* рисуетъ присяжныхъ безпомощными дѣтьми, легко поддающимися вліяніямъ адвоката, ловкаго обвиняемаго, искусныхъ свидѣтелей. Въ совѣщательной комнатѣ лишенные руководящихъ указаній предсѣдателя они являются жертвами всевозможныхъ заблужденій. Далѣе присяжные нарушаютъ гармонію всего судебного строя, представляя изъ себя какую-то самостоятельную инстанцію, рѣшенія которой нельзя даже обжаловать по существу. Единственно правильнымъ авторъ признаетъ судъ шеффеновъ. Принципіальными сторонниками суда присяжныхъ явились Гарсонъ, Шервэ, изъ Франціи, Спейеръ изъ Бельгіи, Гогель изъ Россіи, Шотъ изъ Нью-Йорка, Стопато изъ Италіи и Файеръ изъ Будапешта. *Проф. Гарсонъ* считаетъ возможнымъ правильное существованіе суда присяжныхъ только въ свободной странѣ. Недостатки этого суда онъ считаетъ недостатками общечеловѣческими. Ни одинъ судъ не имѣетъ столь высокаго авторитета и не стоитъ такъ высоко по своей безпристрастности и сознанію долга, какъ судъ присяжныхъ. Наибольше слабое мѣсто французскаго жюри—многочисленность оправдательныхъ приговоровъ—авторъ считаетъ результатомъ устарѣлости и излишней суровости многихъ постановленій французскаго права о тяжкихъ преступленіяхъ. *Шервэ* обращаетъ преимущественное вліяніе на составленіе списковъ присяжныхъ, предлагая мѣры къ тому, чтобы обезпечить къ нему доступъ наиболѣе честнымъ и понимающимъ людямъ. Форму же суда присяжныхъ онъ считаетъ высшей формой суда вообще. *Спейеръ*, подробно разбирая организацію и дѣйствіе бельгійскаго жюри, приходитъ къ убѣжденію, что оно въ настоящее время является судомъ исключительнымъ. Всѣ недостатки авторъ сводитъ къ неправильностямъ построенія судебного слѣдствія по дѣламъ съ присяжнымъ, обезпечивающаго громадный перевѣсъ обвиненію надъ защитой. *Проф. Стопато*, не отрицая некомпетентности присяжныхъ по дѣламъ о подлогѣ, мошенничествѣ и др., требующимъ многихъ техническихъ познаній для удостовѣренія факта преступленія, считаетъ эту форму незыблемой опорой правового строя для дѣлъ соціально-политическихъ. Жюри исполняетъ важную соціальную функцію исправленія закона, ослабленія его ригоризма и указанія ему новыхъ путей развитія. Присяжные—живой, творческій элементъ въ области суда. *С. К. Гогель* оста-

навливаются на разсмотрѣніи преимущественно русскаго суда присяжныхъ, который признаетъ въ его основахъ вполне удовлетворительнымъ. Необходимо, по мнѣнію докладчика, судить о судѣ присяжныхъ только съ національной точки зрѣнія. Докладъ судьи *Шота* представляетъ рѣчь къ молодымъ американскимъ адвокатамъ; въ этой рѣчи излагаются правила, которыми слѣдуетъ руководиться на судѣ присяжныхъ. Необходимо, чтобы судья предоставлялъ присяжнымъ возможно больше самостоятельности при рѣшеніи дѣлъ. Въ общемъ судъ присяжныхъ признается имъ за оплотъ жизни, свободы и собственности. Проф. *Файеръ*, являвшійся общимъ докладчикомъ на конгрессѣ, признавалъ желательнымъ, чтобы вопросы, предлагаемые присяжнымъ, были редактированы яснѣе, чтобы присяжнымъ была предоставлена возможность вліянія на приговоръ признаніемъ особо смягчающихъ обстоятельствъ, чтобы, наконецъ, суду было предоставлено право приостанавливать вердиктъ присяжныхъ.

Существенныя измѣненія въ судѣ присяжныхъ проектировали проф. невшательскаго университета *Борель* и венгерскій судебный дѣятель *Бернголакъ*. Первый предлагалъ передать присяжнымъ право постановлять и о наказаніи, но зато разрѣшить предсѣдателю суда присутствовать въ комнатѣ присяжныхъ съ правомъ совѣщательнаго голоса, а также совершенно изгнать изъ судебного слѣдствія обвинительный актъ, предоставивъ прокурору свободно формулировать обвиненіе. Второй предлагалъ произвести оригинальное перераспредѣленіе работы между присяжными и коронной коллегіей. Вопросъ факта долженъ устанавливаться коронными судьями; затѣмъ присяжные самостоятельно рѣшаютъ вопросъ о виновности и о характерѣ той мѣры, которая должна быть примѣнена къ обвиняемому, и наконецъ, коронный судъ вмѣстѣ съ присяжными устанавливаетъ родъ и размѣръ наказанія, принявъ во вниманіе квалифицирующія обстоятельства.

Большинство докладчиковъ оказалось благоприятнымъ для суда присяжныхъ. Въ секціи обсужденіе вопроса было стѣснено предсѣдателемъ, признавшимъ невозможность обсужденія вопроса по существу и предложившимъ ограничиться лишь общимъ пожеланіемъ. Было выставлено предложеніе проф. *Пьерантони*, предлагающаго признать судъ присяжныхъ необходимымъ оплотомъ политической свободы. Другая резолюція была предложена проф. *Борелемъ*, въ которой указывалось на некомпетентность конгресса рѣшить этотъ вопросъ и на безполезность рѣшенія при наличности

всесторонне освѣщающихъ вопросъ докладовъ. Послѣ принятія послѣдняго предложенія было принято и дополненіе, предложенное *Локаромъ*, о принципиальномъ пожеланіи расширенія народнаго суда.

На общемъ собраніи было предложено *Спейеромъ* указать на необходимость рѣшенія при участіи присяжныхъ всѣхъ политическихъ дѣлъ, но это дополненіе, несмотря на горячее сочувствіе ему большинства, не было поставлено на баллотировку. Такимъ образомъ резолюція, принятая по вопросу о судѣ присяжныхъ, редактирована слѣдующимъ образомъ: „Международный пенитенціарный конгрессъ, признавая, что къ нему не относится и отъ него не требуется вынести свое рѣшеніе относительно института присяжныхъ, тѣсно связаннаго съ политической, судебной и соціальной организаціей каждаго государства и не представляющаго международного характера; что практическая важность вопроса, поставленнаго на программу конгресса, заключалась главнымъ образомъ въ обнародованіи опытовъ, собранныхъ въ различныхъ странахъ, въ которыхъ существуетъ судъ присяжныхъ; что этотъ результатъ въ значительной части достигнутъ благодаря многочисленнымъ и интереснымъ докладамъ по вопросу о судѣ присяжныхъ; что эти доклады могутъ дать полезныя указанія правительствамъ, которыя пожелали бы обратить вниманіе на этотъ вопросъ; что практическая цѣнность этого результата не увеличилась бы отъ принятія официальныхъ резолюцій, для которыхъ различіе законодательствъ, не говоря уже о политическихъ и соціальныхъ понятіяхъ, затрагиваемыхъ институтомъ жюри, представило бы на дѣлѣ весьма значительныя трудности,—принимаетъ къ свѣдѣнію работы, посвященныя этому вопросу, и указываетъ на нихъ тѣмъ, до кого они касаются, воздерживаясь отъ постановки рѣшенія по предложенному ему вопросу. Конгрессъ выражаетъ пожеланіе, чтобы законодательства различныхъ странъ допустили въ болѣе широкой степени непосредственное участіе гражданъ въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ“.

Послѣ рѣшенія вопроса о судѣ присяжныхъ въ одной изъ залъ Академіи Наукъ собралась *конференція противниковъ смертной казни*, постановившая внести предложеніе о томъ, чтобы вопросъ объ отмѣнѣ смертной казни былъ поставленъ на программу VIII-го пенитенціарнаго конгресса. Предсѣдателемъ конференціи былъ избранъ проф. *Пьерантони*, въ краткомъ очеркѣ указавшій, что смертная казнь несовмѣстима съ политической свободой и съ нравственными началами обще-

ственной жизни. Предложение о необходимости обсуждения этого вопроса было покрыто множеством подписей и передано международной комисіи.

V.

Изъ другихъ вопросовъ, кромѣ поставленныхъ на программу первой секціи, остановимся лишь на второмъ вопросѣ второй секціи, вызвавшемъ наибольшій интересъ. Вопросъ этотъ былъ формулированъ слѣдующимъ образомъ: „Можно ли принуждать къ работѣ обвиняемыхъ или обвиненныхъ, если они раньше были при-суждаемы къ наказанію лишеніемъ свободы? Если работа не можетъ быть налагаема на этихъ обвиняемыхъ или обвиненныхъ, то нельзя ли будетъ зачетъ подслѣдственного заключенія въ срокъ наказанія поставить въ зависимость отъ добровольнаго принятія работы во время заключенія?“ Поставленный даже въ такой общей формѣ вопросъ этотъ противорѣчилъ п. 5 постановленій Петербургскаго пенитенціарнаго конгресса, указавшаго, что „подслѣдственное заключение не должно влечь иныхъ ограниченій, кромѣ тѣхъ, которыя вызываются его цѣлями и необходимы для поддержанія порядка“. Но въ виду измѣненія взглядовъ на работу и признанія ея скорѣе облегченіемъ одиночнаго заключенія, нежели новымъ ограниченіемъ, налагаемымъ на обвиняемаго, предполагалось возможнымъ получить хотя бы принципиальное одобреніе на установленіе ея по общему правилу въ тюрьмахъ для подслѣдственныхъ. Докладчики дали разнорѣчивые отвѣты. Винченсини полагалъ, что подслѣдственные рецидивисты должны быть принуждаемы къ работѣ въ такой же степени, какъ и осужденные (т. е. при отказѣ могутъ подвергнуты и дисциплинарнымъ воздѣйствіямъ), но что зачетъ заключенія долженъ производиться для всѣхъ. *Veiller*, также отрицая желательность поставленія зачета въ зависимость отъ принятія работы, полагалъ, что заключенные не могутъ быть принуждаемы къ работѣ съ помощью дисциплинарныхъ мѣръ; однако, исходя изъ правила, что каждый заключенный долженъ содержать себя самъ, даже когда онъ находится на свободѣ, указывалъ на необходимость принятія осужденнымъ работы или внесенія имъ въ казну известной части заработка или продукта, причитающагося съ него по тюремнымъ правиламъ. Въ известныхъ случаяхъ бѣдные, могущіе привести въ основаніе своего отказа отъ работы необходимость посвятить свое время на подготовку защиты, могутъ быть

освобождены отъ этого взноса. Директора бельгійскихъ тюремъ *Бертранъ* и *Корнецъ* энергично отстаивали существующій порядокъ свободы труда, указывая, что въ большинствѣ случаевъ сами заключенные стремятся къ предлагаемому имъ труду, а для той кучки, которая остается праздною, непригодными окажутся и проектируемыя мѣры принужденія къ труду. *Бертранъ* указываетъ, что введеніе принудительнаго труда поставило бы заключеннаго въ болѣе подчиненное положеніе къ тюремной администраціи, тогда какъ общество принимаетъ мѣры къ тому, чтобы его права во время заключенія оставались неприкосновенными. Введеніе обязательной работы въ значительной степени сравняло бы подслѣдственное заключеніе съ карательнымъ; между тѣмъ такое сближеніе вредно, такъ какъ желательно, чтобы населеніе не смотрѣло на подслѣдственное заключеніе какъ на ту же тюрьму. *Корнецъ* допускаетъ въ принципѣ желательность установленія труда въ видѣ общаго правила, но принятіе его предоставляетъ свободной волѣ каждаго.

Gennat, *D'Haussonville*, *Curti*, *Canonico* и *М. М. Боровитиновъ* предлагали поставить зачетъ въ зависимость отъ принятія работы. „Всякій свободный человѣкъ обстоятельствами принуждается къ труду, заключенный также долженъ быть къ нему принужденъ. Праздными остаются только наиболѣе испорченные изъ заключенныхъ“—говоритъ *Gennat*. Непримѣненіе зачета, какъ мѣру воздѣйствія, авторъ признаетъ допустимымъ въ виду отсутствія другихъ болѣе подходящихъ мѣръ. *Оссонвиль* оправдываетъ свое предложеніе тѣмъ, что лишь при наличности работы получается однородность режима подслѣдственнаго заключенія и режима карательнаго, а при такой однородности только и можетъ съ правильностью быть производимъ зачетъ. *Курти*, *Канонико* и *М. М. Боровитиновъ* предлагали, не ставя зачета въ зависимость отъ принятія работы безусловно, принимать, однако, во вниманіе то обстоятельство, работалъ ли во время заключенія обвиняемый. *Канонико* предлагалъ въ случаѣ добровольнаго принятія работы производить зачетъ полностью, въ случаѣ же отказа отъ нея—лишь на половину, такъ какъ режимъ безъ работы не можетъ быть аналогиченъ режиму карательному. *Курти* предлагалъ принимать лишь во вниманіе это обстоятельство, что возможно при факультативности зачета. Наконецъ, г. *Боровитиновъ*, въ развитіе предшествующаго взгляда *Курти*, выставилъ слѣдующія положенія: „обвиняемые и обвиненные не должны оставаться праздными, но

должны заниматься какой-либо работой по своему выбору, однако соответствующей требованиям тюремного режима и не нарушающей порядка и дисциплины тюрьмы. Съ целью побудить заключенныхъ къ работѣ, суду, занятому дѣломъ, долженъ быть представляемъ докладъ о работѣ во время заключенія, и судья будетъ принимать это обстоятельство во вниманіе при зачетѣ“.

Послѣдній взглядъ явился какъ бы примиряющимъ, и потому при обсужденіи вопроса во второй секціи, послѣ признанія значительнымъ большинствомъ голосовъ невозможности принуждать къ работѣ даже подслѣдственныхъ рецидивистовъ, было принято предложеніе о представленіи суду доклада о работѣ заключеннаго съ тѣмъ, чтобы то обстоятельство, принялъ ли заключенный работу или отказался отъ нея, могло быть принимаемо во вниманіе при зачетѣ. Еще въ самой секціи эта формула вызвала рядъ возраженій, исходившихъ главнымъ образомъ изъ того, что постановка зачета въ различныхъ странахъ различна и что тамъ, гдѣ зачетъ обязателенъ, пришлось бы вводить факультативность его. Напримѣръ, въ Бельгіи зачетъ обязателенъ для суда; теперь ради сравнительно второстепенной цѣли пришлось бы сдѣлать его факультативнымъ. Сильная оппозиція рѣшенію секціи проявилась на общемъ собраніи. *Проф. Бруза* въ своей рѣчи указалъ на то, что подобное правило даетъ въ руки тюремной администраціи сильное оружіе, могущее служить цѣлямъ произвола; предложеніе это внесетъ произволь и въ судебную дѣятельность, такъ какъ судъ будетъ оперировать съ конфиденціально сообщаемыми ему свѣдѣніями тюремной администраціей. Наконецъ, оно противорѣчитъ признанному секціей принципу свободы труда. Не лишено правильности было и соображеніе *проф. Моллова* о томъ, что добровольнымъ принятіемъ работъ въ цѣляхъ зачета обвиняемые будутъ какъ бы косвенно сознаваться въ своей виновности, потому что, если они невинны, то имъ нечего будетъ бояться незачета ¹⁾. Послѣ продолжительныхъ преній была принята предложенная небольшой группой членовъ, въ числѣ которыхъ находился и авторъ отчета, резолюція: „зачетъ подслѣдственного заключенія не можетъ быть

---

¹⁾ Впрочемъ, послѣднее возраженіе можетъ быть парализовано установленіемъ обязательной выдачи заработка въ случаѣ признанія заключеннаго невиннымъ или, при существованіи вознагражденія за безъ вины понесенное подслѣдственное заключеніе, поставленіемъ размѣра вознагражденія также въ зависимость отъ того обстоятельства, работалъ или нѣтъ заключенный, такъ что и невинные будутъ имѣть мотивъ къ принятію работы.

поставленъ въ зависимость отъ добровольнаго принятія работы во время заключенія“.

Отрицательный отвѣтъ на оба вопроса намъ кажется наиболѣе правильнымъ. Дѣйствительно, несмотря на нѣкоторыя выгоды работы подсѣдственныхъ, нельзя создавать изъ нея обязанность, хотя бы для того, чтобы подчеркнуть принципиальное различіе между положеніемъ подсѣдственнаго и осужденнаго. Введеніе обязательнаго работнаго режима введетъ за собою и большее давленіе на всю дѣятельность и на распредѣленіе свободнаго времени заключеннаго. Нечего и думать, что тюремный трудъ вполнѣ соотвѣтствуетъ труду на волѣ: тюрьма допускаетъ лишь немногіе, простѣйшіе виды труда, принужденіе къ которымъ можетъ отражаться въ видѣ пониженія интеллектуальнаго или профессиональнаго уровня заключеннаго. Что касается зачета, то онъ производится на основаніи соображеній карательной политики, желанія обезпечить правильность приговора и многихъ другихъ (см. мою статью по этому вопросу—„Судебное Обозрѣніе“ 1904. № 33, 34), и ставить его въ зависимость отъ одного частнаго обстоятельства—принятія работы неправильно, тѣмъ болѣе, что можно сомнѣваться въ томъ, явится ли дѣйствительнымъ мотивъ незачета для тѣхъ категорій праздныхъ заключенныхъ, которыя именно и имѣются въ виду при установленіи этого правила.

П. Люблинскій.